

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА
Цена одной песни

Фанфики по вселенной
Дж. Р. Р. Толкина

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

К17

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна

Цена одной песни : фанфики по вселенной Дж. Р. Р. Толкина / Надежда Калашникова ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 48 с. : портр., ил.

©Надежда Калашникова

Фото Константина Егорова

На первой стр. обложки – картина Елены Кукановой (Москва)

На странице 3 – рисунок художницы Urdengro

«Лютиэнь перед тронем Моргота в Ангбанде»

На странице 17 – рисунок художника Eaneli «Лютиэнь Тинувиэль»

На странице 47 – рисунок Дж.Р.Р.Толкина «Ривенделл»

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. Работает на кафедре психологии. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. В 2009 году вышла её первая книжка – сказка «Королевство Сердце». В 2011 году вышли её книжечки «Пушистая сказка» и «По зелёной жёрдочке». В 2014 году вышла её книжечка «"Шут и король" и другие сказки для детей от семи до семидесяти». В 2015 году – сказка «Мечта дракона». Лауреат Губернаторской премии в области культуры и искусства за 2014 год (единственная в этом году за литературу). В Кемеровском отделении Союза писателей России готовится к выходу книга её сказок и рассказов «Шутов не нанимают».

Квэнталэ о Мелькоре и Лютиен

Глава 1. О том, как трудно застать Мелькора врасплох

Скучающий взгляд Мелькора останавливается на летучей мыши, влетевшей в тронный зал следом за большим лохматым волком. Волк похозяйски разлёгся у подножия трона; крылатая же тварь чем-то тревожит Владыку Тьмы – и он, нахмурившись, проверяет её на истинность.

Вот так сюрприз! Эльфийская девица поднимается с колен – рухнула на пол с высоты полёта мыши, когда Мелькор снимал чары. Сделав шаг вперёд, говорит, и голос её нежнее весенней капли:

– Я Лютиен, дочь Тингола. Дозволь спеть и станцевать для тебя, Владыка.

Тот машинально кивает, очарованный её красотой. «Она будет моей», – моментально решает Мелькор. Только вот как вложить эту идею в хорошенькую черноволосую головку? Она наверняка ведь воспитана на байках про страшного и ужасного Моргота...

«Лютиен... Лютиен Тинувиэль, Прекраснейшая из созданий Илуватара», – вспоминает Мелькор, и желание заполучить такую драгоценность лишь усиливается. Разум лихорадочно перебирает и отбрасывает варианты соблазнения: серенады, цветы, комплименты – всего этого в её жизни наверняка три телеги и ещё обоз. Власть и золото тоже вряд ли помогут здесь...

И тут вала озаряет. Ну разумеется! Наверняка пристальное внимание красавице уже в зубах навязло. Так почему бы не прикинуться равнодушным? И даже более того – не поведать Лютиен, что её красота не так уж и безупречна?... Шок от подобного ей обеспечен, а это уже сильная эмоция...

«Воистину надо быть Отцом Лжи, чтобы язык повернулся это чудо назвать иначе, чем Прекраснейшей... Но мне не привыкать, – мысленно усмехается Мелькор и тут же хмурится: – Однако... что это она задумала?»

Лютиен снимает плащ, продолжая кружиться в танце и незаметно подбираясь всё ближе и ближе к трону. И вот, когда она отточенным движением уже почти бросила его в лицо Мелькору – тот резко вскидывает ладонь, и плащ с сонным заклятьем, завертевшись волчком, выскальзывает из рук Тинувиэль и улетает к Берену. Волк мгновенно клонит тяжёлую голову к полу и засыпает. Эльфийка вскрикивает: она осталась один на один с Врагом Мира в его крепости! Какой-то краткий миг решил всё...

– Неужели эльфийская девица, хоть и дочь майя, всерьёз надеялась обыграть вала на его территории? – вкрадчивым голосом вопрошает Мелькор. – Однако... Похоже, людские теории о том, что красавицы не блещут умом, верны...

Несмотря на страх, Лютиен вспыхивает: о её уме никто ещё не отзывался так пренебрежительно. Честно говоря, её умственные способности как-то вообще никто особо не обсуждал – всем хватало неземной красоты.

А вала небрежно продолжает, глядя на неё:

– Эльфы вырождаются без моей помощи. О тебе ходят слухи, что ты прекраснейшее создание Илуватара, песни твои очаровывают, а движения лишают разума всех мужчин в пределах досягаемости. Так вот, я разочарован. Ничего подобного я не увидел... – и вздыхает очень натурально, опуская глаза, чтобы скрыть их жаркий блеск.

Лютиен слышит подобное впервые и, задыхаясь от возмущения, лихорадочно ищет достойные слова для ответа – и не находит.

Мелькор делает знак рукой, и орки подхватывают Лютиен, другие – Берена, с которого по ещё одному мановению властной руки спадает обличье волка, и ведут к выходу.

– Куда?.. Берен, нет!.. – крик эльфийки эхом отдаётся под сводами зала, и Мелькор невольно замирает, вслушиваясь – голос её великолепен даже в отчаянии.

– А вы думали, за проникновение в чужой дом с целью грабежа вас по головке погладят и плюшками накормят? – смеётся вала и поправляет корону с Сильмариллами. – Посидите под замком столетие-другое, авось я к тому времени придумаю, что с вами делать... Впрочем, для твоего дружка проблема станет уже неактуальной, – «успокаивает» он Лютиен.

...Когда эхо шагов и крики девы смолкают, Бауглир откидывается на троне и жмурится, как довольный кот у кринки с жирной сметаны.

– До чего же хороша девчонка, – мечтательно произносит он и, подперев кулаком голову, вспоминает её мелькающие в быстром танце ножки и дивный голос, ласкающий даже его сомнительной чистоты душу.

Глава 2. О том, как Мелькор философствовал

Над Ангбандом сгущаются тучи, и вечерняя мгла заползает с окон раньше обычного. Но в зале на стенах горит множество факелов, и от них по-своему уютно. Лютиен не может не признать это, хотя и зябко поводит плечами, стоя перед тронем Владыки Тьмы.

– Сегодня довольно прохладно. Выпей и согреешься, – говорит он и, отсалютовав бокалом с вином, протягивает его деве.

Лютиен гордо, как и положено пленной эльфийке, скрещивает руки на груди:

– Я скорее умру, чем соглашусь принять что-нибудь из твоих рук!

Отставив бокал, Мелькор демонстративно оглядывает свои обожжённые ладони и ядовито отвечает:

– Да-а... из таких страшных рук, должно быть, и впрямь противно что-то брать столь возвышенной деве. А ещё говорят, эльфы милосердны и не смеются над врождённым или приобретённым уродством...

– Не в твоём случае, – сухо произносит Тинувиэль и поджимает губы.

– Впрочем, я давно убедился, что эльфы любят сочинять про себя красивые и абсолютно неправдоподобные истории, – продолжает вала, будто не слыша собеседницу. И, внезапно вскидывая на неё глаза, усмехается: – А если серьёзно – какова ещё причина твоего отказа? Уж не думаешь ли ты, что я решил тебя отравить собственноручно, не найдя способа попроще в родном доме с армией слуг?

Лютиен вновь теряет весь запас слов, потому как именно это она и подумала. Терзания её написаны на прекрасном лице, и Мелькор беззастенчиво любит её, пока эльфийка разглядывает сложный узор на мраморе пола в поисках достойного ответа.

– Может, я и не слишком умна, – заявляет она наконец, – но уж лучше быть дураком, чем иметь твоих размахов ум – и обращать его к злу.

Бауглир удивлённо вскидывает бровь: такого от смазливой девицы он не ожидал. Вслух назвать себя «не слишком умной» – надо иметь недюжинную смелость для подобного признания и этот самый проклятый ум, чтоб просто это понять... Но на вызов надо отвечать, и вала разводит руками:

– Каждому – своё. Если бы предложили выбор мне, я выбрал бы ум, и неважно, чем мне придётся за него пожертвовать: красотой ли, – он вновь демонстративно разворачивает к эльфийке обугленные ладони, – или тем, что вы называете странным словом «душа», имея о ней весьма туманное представление.

– Ты о ней знаешь больно много!.. – в запале восклицает дева и тут же отсекается: всё-таки она в его руках, надо как-то поскромнее себя вести...

Мелькор вновь усмехается. Определённо, девчонка нравится ему всё больше и больше. Смелая. Предана своим, хоть и ошибочным, идеалам, и готова их отстаивать даже перед ним. На это осмеливались далеко не все великие воители...

– Представь себе, знаю, – спокойно продолжает он беседу. – Я видел, как их творили... и сам приложил к этому руку.

– Ты? Ты можешь только исказить и извращать уже созданное, – а, началась старая песня! Как же его бесит порой эльфийская узколобость...

– Я видел, как рождались души, – голос разносится под высокими сводами, и, кажется, даже тень Моргота вырастает, хотя сам он не двигается

с места. – Я наблюдал, как Безначальный Огонь наделил их пламенем духа и жаждой жизни. Они были прекрасны. Ровные и стройные, как на подбор, огоньки, повёрнутые в сторону своего родоначальника – Безначального Огня. Понимаешь, Лютиен? Все – в одну сторону... Все – одинаковые... И стремились они туда же, откуда вышли. Обрато домой. Спрашивается, зачем тогда было их создавать?.. Сидели бы с тем же успехом дома...

И я не выдержал, Лютиен. Я вмешался. Сбил их с единственного пути – потом скажут, что с единственно правильного... но разве так бывает?! Я внёс сомнения, внёс разброд и шатания – но огоньки заколыхались под ветром. Сменили направления. И каждый начал искать своё. Да, кто-то погас до срока, но дыма без огня не бывает... Но мир обрёл краски, Лютиен. Живые, искренние в своих метаниях и поисках и отныне непреложном выборе пути. Я рад видеть мир, каким он стал. И рад, что поучаствовал в его создании – пусть это было всего лишь Искажением – но без него вы бы никогда не поняли цену отголоску Безначального Огня в своих душах...

Мелькор замолкает и задумчиво отхлёбывает вино. Ржавый свет факелов вспыхивает искрами на Сильмариллах, высвечивает три чернеющих в ряд шрама на скуле – след от когтей Торондора. Странно, но они почти не портят его.

Тёмный Владыка делает знак, и орки уводят Лютиен. Она даже не сопротивляется – настолько поразило её услышанное.

Глава 3. О том, как Отец Лжи правду говорил

Берен мечется по темнице разъярённым волком. Личина с него давно спала, но нервное хождение из угла в угол и периодическое бросание на стены и дверь других ассоциаций не вызывают.

Он не помнит, как оказался здесь. Не знает, где Лютиен и что с ней. И со злости проклинает всё подряд: упёртого Тингола, собственную опрометчивость и глупость – и даже прекрасный солнечный день, когда он повстречал Тинувиэль на лесной поляне. Иначе б она не оказалась сейчас в руках Моргота...

А разве мог этот безумный поход закончиться иначе? На что они рассчитывали – на чудо?.. Берен дивится собственному безрассудству – и не находит ему оправданий. Он так погружён в невесёлые мысли, что почти не притрагивается к еде. И даже не удивляется тому, что его вообще его снабжают – и вполне сносного качества.

Дверь внезапно бесшумно открывается, и на пороге возникает сам Мелькор. С рычанием сын Барахира бросается на него, становясь и впрямь похож более на зверя, чем на человека. Но невидимая стена, прочнее каменной кладки Ангбанда, отбрасывает его назад, и он неуклюже приземляется на кучу соломы, служащей матрасом.

– Какое, однако, милое отношение к хозяевам, – усмехается Мелькор. – Никакого понятия о манерах. И что только в тебе нашла столь утончённая дева, как Лютиен?

– Не смей произносить даже её имя, – хрипит Берен. – Что ты с ней сделал, проклятый искаженец?

В бездонных, как ночная мгла, глазах вспыхивают мечтательные огоньки.

– Ну, я не исказил её ещё пока, – отвечает вала. – Но она уже сама готова молить о большем...

Двусмысленность фразы подбрасывает Берена, и он, начисто забыв обо всём, вновь кидается на Мелькора. С тем же успехом. В этот раз Бауглир просто опутывает его невидимыми цепями, чтоб не трепыхался зазря.

– О, какой горячий темперамент, – насмешливый голос бьёт острее бича. – А с ней ты был также горяч, как сейчас? – Вала придвигается ближе к человеку и почти шепчет на ухо: – Знаешь... если судить по её поведению, она не знала мужчины... – и, видя боль в синих глазах, понимает, что угадал – и с предположением, и с пыткой для пленника.

– Ничего, скоро я исправлю это недоразумение, – продолжает он, упиваясь почти осязаемым отчаянием на лице Берена. – Ведь нельзя же допустить, чтобы такая красота принадлежала – как там по-вашему? – старой деве. Но к этому цветочку нужен особый подход... Впрочем, я не дам ей зачахнуть, – уверенно заявляет вала. – Не знаю, отчего ты прохлопал столько драгоценного времени, будучи рядом с ней...

Чёрный его плащ взметает пыль и мелкие рассыпанные по полу соломинки. На пороге Мелькор оборачивается и, прежде чем снять чары, усмехается напоследок:

– Ты сильно-то не расстраивайся. Буду держать тебя в курсе событий, чтоб ты не чувствовал себя совсем обделённым.

Со стоном откинувшийся на солому Берен ещё долго слышит из-за двери демонический хохот. Отец Лжи смеётся, потому что всё, сказанное им, на сей раз оказалось правдой.

Глава 4. О том, как Лютиен раскритиковали

Лютиен вновь стоит перед Владыкой Мрака. Кажется, это стало уже своеобразной вечерней традицией. С той лишь разницей, что сейчас он не восседает на троне, а ужинает за вполне обычным столом.

– Раз из моих рук ты ничего не берёшь, более ничего и не предлагаю, – заявляет хозяин и смачно закусывает ароматной куриной ножкой глоток терпкого вина. Даже до стоящей в пяти шагах эльфийки долетает соблазнительный запах жаркого, и едва-едва угадывается букет благороднейшего вина Средиземья. Лютиен сглатывает: ей приносили только хлеб и фрукты после того, как от мяса она категорически отказалась, вспоминая жуткие слухи о том, что орки питаются эльфятиной и человечинной.

Но в руках Мелькора курятина. Сочная, покрытая румяной корочкой, со вкусом приправленная. Попросить? Да лучше умереть с голоду!..

Вала меж тем расправляется с едой, вытирает руки об узорчатую (и кто только здесь таков мастер?) салфетку и откидывается на резную спинку стула, неспешно потягивая вино.

– Ну что ты такая скучная, Лютиен? – протяжным голосом вопрошает он. – Не танцуешь, не поёшь, зарываешь таланты в землю... Не хочешь делить со мной трапезу, как гостя – развлеки меня, как служанка.

Эльфийка вскидывается:

– Я не служанка и не буду ею! А на трапезу ты меня и не приглашал... – и прикусывает язык, не желая подавать и виду, что голодна.

Но хозяин лишь усмехается и ловит на слове:

– Служанкой не будешь, а гостьей, значит, быть согласна? – прищуренный взгляд и вновь усмешка: – О, я несказанно рад и счастлив в сём невзрачном обиталище принять дориатскую принцессу! Владения у меня скромные... всего лишь Утумно на севере, Ангбанд на западе, Толин-Гаурхот на юге... На востоке вот ничего нет, печально...

– Но довольно о грустном, – сегодня Мелькор не в настроении философствовать. – Лютиен, может, ты всё же станцуешь для меня?

Та не отвечает, лишь скрещивает руки на груди.

– Я в прошлый раз не разглядел толком твоё искусство, – продолжает вала, – и мог неверно его оценить. Сама понимаешь – обстановка не способствовала... Давай сейчас, когда никто никуда не торопится.

Тинувиэль стоит ещё какое-то время – и внезапно начинает двигаться, ведомая ей одной слышной мелодией. Пламя факелов обливает изящную и невесомую, как облако, фигуру; подчёркивает белизну запястий, выглядывающих из рукавов-крыльев. Мелькор наблюдает за ней в своём удовольствии: Лютиен сосредоточена лишь на танце, ей, как истинному творцу, неважны чужие оценки, и она не смотрит по сторонам в поисках одобрения.

«Великолепна, – думает вала. – Просто восхитительна! Какая грация, какой полёт у тела, что не умеет летать по определению! И этот изгиб талии, такой манящий и чувственный... что же ты делаешь, девочка, так же нельзя!.. И при этом ни грамма пошлости... конечно, у меня её хватит на всю Арду и ещё останется, но... это же уметь надо... так разжигать столь целомудренным способом...»

Дыхание Мелькора учащается, и он чуть не пропускает момент, когда эльфийка вскидывает руки в последнем движении – и останавливается. Быстро натянув на лицо маску равнодушия, вала подпирает кулаком щеку и изображает глубокую задумчивость.

– Даже не знаю, что и сказать, – произносит он спустя некоторое время. – Должно быть, с эльфами дело совсем худо, если они видят жемчужину красоты там, где не ночевал и моллюск... Прости, Лютиен, – переводит он взгляд на эльфийку, с удовольствием отмечая про себя, как потускнели её глаза и обмякли плечи, – я не хотел тебя обидеть, но... И Отец Лжи порой говорит правду – но тогда она и впрямь горька. Но вы же считаете, что лучше горькая правда... и далее по тексту? Может, если чаще тренироваться...

– Достаточно, я всё поняла, – сдавленный голос. Сдерживает слёзы? Ну, пусть поплачет, говорят, иногда полезно...

Когда Лютиен уводят – даже не держа под руки, она идёт сама, торопясь скрыться от Мелькора и его ранящих слов – вала подцепляет кувшин с холодной водой и жадно опорожняет его прямо из горла. Не помогает: танцующая в отблесках пламени Лютиен всё ещё стоит перед глазами.

– А не навестить ли мне Берена, – бормочет Мелькор, – и не выдать ли желаемое за действительное?..

Глава 5. О том, сколь коварны сердца красавиц

Лютиен в крепости Ангбанда уже третий месяц. Комната её вполне сносная, если же не обращать внимания на тонкую, но удручающе плотную вязь решётки на окнах – так и вовсе замечательная. Обращаются с ней все вежливо и даже учтиво – от Хозяина Ангбанда до последнего орка на побегушках. И это безмерно удивляет Тинувиэль: если верить бытовавшим среди эльфов историям, её давно должны были пустить по кругу не на один раз, потом расчленить и связать её кишки с кишками Берена – и чтобы оба при этом были ещё живы и всенепременно в сознании.

Берен... Тревога за него – единственное, что угнетало здесь деву, не считая тоски по дому. Лютиен упросила Мелькора показать его – и тот согласился, но поставил условие: она его увидит, он её – нет. У эльфийки не было выбора, и она согласилась.

Руки-ноги на месте, целые. Снова противоречие привычному образу ангбандского пленника – обязательно искорёженного, с переломами всех двухсот с чем-то костей и выколотыми глазами...

Глядя, как трепетно Лютиен выискивает повреждения на милом и, не найдя таковых, облегчённо вздыхает, вала кривит уголки губ. «Что ты знаешь о пытках, глупая девочка... Глупые эльфы! Неужели вы не понимаете, что мукам душевным достойную альтернативу трудно создать, даже пусти я в ход всю слаженную палаческую команду? А ещё Перворождённые... Папа, я разочарован твоими творениями... или тварями?..»

Внутренний диалог с Отцом-Создателем прерывает тихий, какой-то обречённый голос Лютиен:

– Моргот, – впервые она называет его по имени, пусть и нелюбимому им самим.

...Берен оброс, глаза его ввалились, щёки запали. Но не это смутило Тинувиэль: и при первой их встрече сын Барахира не слишком блистал красотой. Но, наблюдая, как ходит Берен из угла в угол по темнице, словно зверь по клетке, и бормочет лишь её имя – то шёпотом еле различимым, то вскрикивая так, что, кажется, вот-вот задрожат и рухнут стены – Лютиен почему-то вспомнила Мелькора. Его равнодушный взгляд – он первый, кого не пленила её красота. Первый, кто сказал, что на самом деле она вовсе не здорово танцует и поёт. И она впервые задумалась: а так ли она хороша, как твердят вокруг чуть ли не с рождения?..

Мелькор каждый день разрушал её старые представления об орках, о добре и зле, о себе самом. Далеко не со всем Лютиен была согласна – скорее наоборот, и порой яростно кидалась на защиту той или иной идеи, впитанной

с молодых ногтей. На что Мелькор отвечал – тирадой или насмешливой репликой, но неизменно заставляя переосмыслять истинные причины того или иного явления. Эльфийка почти всегда уходила от него задумчивая – а в зарешёченной комнате было много времени для размышлений.

...К тому же он не пытался её соблазнить. А Прекраснейшее создание Илуватара за свои несколько веков порядком устала от того, что все её хотят и по ней сохнут. В больших количествах это неизмеримо раздражает. И потому Люттиен наслаждалась интеллектуальными поединками-спорами с Врагом Мира, хоть и осознавала, что наверняка ему это смешно. Лишь где-то на краешке сознания то и дело всплывала коварная мыслишка: почему же он всё-таки к ней столь равнодушен? На вид – вполне себе нормальный мужчина... посимпатичней иного эльфа будет, даром что хром и в шрамах...

И среди круговорота мыслей о Мелькоре и о философских материях у Люттиен почти не оставалось времени – или желания – подумать о Берене. Увидев же его и услышав, как беспрестанно твердит он её имя, подобно безумцу, эльфийка принялась лихорадочно вспоминать их встречи, прогулки и общение... И поняла, что общения-то у них и не было. Берен был очарован ею, как и многие другие. Она выбрала его и его любовь среди многих прочих, но вёл он себя как типичный воздыхатель: смотрел в глаза, держал за руку, гордо спорил с Тинголом, дал безрассудную клятву... И ничего не знал о ней – настоящей. А может, она сама себя до сей поры не знала?..

...Глядя на Берена, Люттиен отчётливо понимает, что не хочет повторения, получи она возможность сейчас уйти с ним рука об руку. Она бы предпочла провести вечность здесь, в Ангбанде, по вечерам разговаривая с Владыкой Тьмы, а днём танцуя в своей комнате – Тинувиэль не могла бросить любимое занятие от чьих-то критичных слов.

Сердце сдавливает костлявой рукой, на прекрасное лицо ложится тень печали и сожаления.

– Моргот, отпусти его. Я не люблю его более... а потому нет причины ему томиться здесь.

Волосы Люттиен заслоняют взгляд, и потому она не видит, какая торжествующая улыбка на мгновение пересекает лицо Мелькора.

Глава 6. О том, как Саурону удалась пакость

– Бестолочь, как стоишь?! Как устав соблюдаешь?!.. – звук зуботычин летает на плацу уже который день. Саурон срывает злость на подчинённых вовсю – а потому придирается к каждой мелочи. Учитывая характер орков, причины для придинок найти труда не составляет.

– Разойдись! – машет он рукой в перстнях и, развернувшись, нетвёрдой походкой идёт обратно в крепость.

С размаху падает в кресло и распечатывает очередную бутылку вина. Оглядывается в поисках стакана и, не найдя такового, вновь машет рукой и присасывается прямо к горлышку. Жидкость в бутылке стремительно уменьшается, а настроение майа и не думает улучшаться.

Его повелитель совсем потерял разум с этой девкой. Комнату ей выделил, каждый вечер разговоры по три часа ведёт, а на верного слугу вообще начихал с вершины Тангородрима. Когда Саурон с разорванным горлом кое-как долетел до крепости и рухнул практически под ноги Мелькору, тот лишь брезгливо поморщился и велел марать узорчатый пол где-нибудь в другом месте. Мол, узоры эти он самолично выбирал, разрабатывая дизайн Ангбанда, а некоторые даже и сам создал, а всякие неудачники труд его не ценят, словно какие-нибудь паскудные эльфы. А сейчас не отлипает от «паскудной эльфийки» – той, из-за которой Саурон подпортил репутацию безупречного слуги в глазах Мелькора. Спрашивается: где справедливость?!

Обхватив руками голову, майа задумался. Внезапно идея, великолепная в своей пакостности – в лучших традициях Владыки Тьмы, чего он и требовал от подданных, между прочим, – освещает полыхнувшие жёлтым огнём глаза. Допив остатки вина из бутылки и сунув за пазуху непечатую, Саурон отправляется к темницам.

Распахнув дверь камеры Берена и поигрывая ключами от неё, майа с порога берёт быка за рога:

– У меня к тебе деловое предложение, и я дважды не повторяю. Могу устроить тебе побег. Прямо сейчас. Решай: да или нет?

Вскрикнув в очередной раз «Гинувиэль!», человек оборачивается и смотрит на Саурона мутным взглядом. Встряхивает головой, но нет, наваждение не исчезает: ближайший помощник Мелькора стоит и нетерпеливо прищёлкивает пальцами:

– Соображай быстрее, я же могу и передумать.

– Я никуда не уйду без Лютиен! – ну конечно, чего же ещё ждать от влюблённого остолопа. Саурон закатывает глаза:

– Твоя Лютиен уже давно сохнет по Мелькору, равно как и он по ней. Это мог не заметить только слепой или тупой в Ангбанде, но таковым здесь однозначно являешься ты, так что прощай, но последний раз предлагаю возможность что-то исправить в своей судьбе.

– Что здесь исправишь? – безнадежность в голосе человека злит майа, и он взрывается:

– Ты молодой здоровый балбес! С руками, ногами и, как это ни странно, головой на плечах! Какого Валинора ты ставишь на себе могильный памятник при жизни – из-за бабы?! Да ещё той, что променяла тебя ни за волчий чих на железку с камушками?..

Захлопнув дверь, Саурон с размаху падает на кучу соломы рядом с пленником и выуживает из-за пазухи заныканную бутылку. Сорвав пробку, протягивает Берену. Тот ошарашено смотрит на заклятого врага и внезапно замечает, что глаза его мутны и печальны, и рука человека сама собой обнимает предложенную бутылку.

– А что, – говорит Берен, отдышавшись после нескольких глотков – вино крепкое, а он мало притрагивался к еде всё это время, – я согласен! Если ты, конечно, не шутишь...

Саурон обращает его в летучую мышь и пристраивает себе на плечо. Не сразу попадая в замочную скважину, закрывает камеру и идёт на балкон верхнего яруса, представляя физиономию Мелькора завтрашним днём и мерзко хихикая.

Глава 7. О том, как майя, эльф и человек пьянку устроили

Нежные пальцы перебирают струны мандолины. Голос тоскливо поёт что-то о неразделённой любви и неприступном сердце красавицы, лишившей несчастного певца покоя и сна, предпочтя ему, такому восхитительному и талантливому, какого-то жалкого смертного.

Берен разглядывает сидящую у дороги сгорбленную фигуру и невольно заслушивается. Песня задевает свежие раны и в его душе, но, когда певец в шестой раз начинает тот же мотив, не выдерживает и окликает:

– Эй! А чего другого в репертуаре нет?

Певец вскидывается и резко оборачивается. И тут же гримаса презрения коверкает эльфийское лицо.

Похожее выражение ложится и на лицо человека:

– Даэрон... Не ожидал тебя здесь увидеть.

– А я – тебя, – с неприязнью отзывается тот, подхватывая музыкальный инструмент и поднимаясь сам. – Где же твоя обожаемая Лютиен, почему я не вижу её под ручку с оборванным бродягой? Она не выдержала твоего козлиного духа и упала в обморок на дно ручья, в который ты последний раз окунался полгода назад?

Берен хмурится: вот уж это настолько жалкая попытка оскорбить, что даже смешно. Только нынешним утром он запрокидывал голову под водопадом, жмурясь и порыкивая от удовольствия и бодрящего холода.

Но бросившая любовь сделала Берена сильнее и мудрее, и потому он уже не кидается на эльфа с кулаками, как не преминул бы сделать раньше. Только глаза его грустнеют, когда он говорит:

– Нет больше Лютиен Тинувиэль, Прекраснейшей из детей Илуватара. Есть черноглазая эльфийка с почерневшим сердцем, что скоро станет Тёмной Владычицей и женой Моргота Бауглира.

– Что... Как... – мандолина падает из рук Даэрона и жалобно звякает.

– Ты... ты пошутил сейчас, да? – кричит певец, хватая Берена за ворот рубахи и пытаясь встряхнуть. – Ты поиздеваться решил надо мной?!

– Очень мне это надо! – отдирает человек цепкие пальцы от своей одежды. Тот лишь вцепляется сильнее, и не миновать бы им потасовки, но звучный голос окликает незадачливых воздыхателей:

– О чём жаркий спор? Кому помочь, кому синяков под рёбрами не хватает? Обращайтесь, у меня сапоги кованые, от души поставлю, не пожалую!

Даэрон неохотно отпускает Берена – и вскрикивает. На телеге, запряжённой великолепным совершенно не тягловым конём, восседает на козлах тёмный майя и вопрошающе смотрит на эльфа и человека.

– А, Саурон, – приветствует того Берен, как давнего знакомого. – Это ты с базара, что ли, едешь?

– Да вот, решил пополнить запасы спиртного, – отвечает англобандский главнокомандующий. – А то дома такие дела творятся, что без бутылки не разобраться, – и он кривит губы в горькой усмешке.

Даэрон силится что-то сказать – но из его горла вылетает только булькающий хрип. Саурон, не обращая на него внимания, внезапно спрыгивает с козел и лезет под дерюгу, которой прикрыта телега.

– А давайте выпьем, мужики! – азартно восклицает он, потрясая сразу тремя бутылками великолепного дорвинионского. – Горе у нас одно на троих, вот и зальём его втроём... Мелькор мне тут такую взбучку устроил за то, что я, видите ли, пленника упустил, – хмыкает он, глядя на Берена, – что мне как-то и возвращаться не так чтобы сильно хотелось...

Берен, помнящий, что собутыльник из майа толковый, без лишних слов присаживается рядом. Даэрон сперва смотрит на них, закопав челюсть куда-то глубоко в муравейник под ногами, потом, махнув рукой, присоединяется.

– ...Хорошие вы мужики, – расчувствованно бормочет Саурон спустя четыре часа, обнимая не вяжущих лыка человека и эльфа за плечи. – А знаете, я, может... я, может, обратно к свету вернусь с таким раскладом! Ну, раз Мелькор слуг верных не ценит – не, ну какого Валинора, пусть без них остаётся! Без меня, то есть. Сострою невинную рожу, покаюсь, пообещаю века три на них бесплатно где-нибудь лес валить – и примут обратно как миленького...

Собеседники его не слышат. Эльф с грохотом падает, вновь опрокинув свою мандолину. Берен уже давно храпит, склонив голову на плечо Саурону.

Глава 8. О том, как полезно иметь хорошую родословную

Летучая мышь с режущим уши свистом влетает в открытое окно вместе с вечерней прохладой. На колени Мелиан, мирно вышивающей ирисы, падает конверт, скреплённый печатью в виде оскаленной головы дракона. Майа вскрикивает и смотрит на него, как на ядовитую змею, не решаясь даже прикоснуться, не то что вскрыть.

На крик в дверь заглядывает встревоженный Тингол:

– Что случилось?

Мелиан дрожащими руками берёт, наконец, конверт и протягивает мужу:

– Вот...

Летучая тварь продолжает сидеть на подоконнике, озаряемая заходящими лучами солнца, и даже не думает убраться.

Тингол быстрыми шагами пересекает комнату и рвёт зубами ненавистную печать. Пробегает глазами письмо. Челюсть его медленно отвисает по мере чтения всё больше и больше.

– Прочитай ты, – хрипло произносит он. – И вслух! Может, у меня началась эта, как её адан зовут... белая горячка?!

Мелиан с опаской принимает послание и начинает читать:

«Дорогие мои ада и амил! Я живу хорошо, у меня всё есть: Ангбандская крепость, куча орков (кстати, они милые, если их помыть) и пара чудесных ручных драконов. Вчера мы на них катались, было так весело!.. Правда, я поначалу боялась упасть, но Мелькор держал меня так крепко, что я успокоилась на этот счёт.

Ах да, забыла самое главное, ради чего и пишу: приглашаю на нашу свадьбу. Двадцать пятого августа сего года я стану Тёмной Владычицей и женой Владыки Мелькора. Он хочет увидеться с тобой, ада, и поговорить о выкупе за невесту. Кажется, он упоминал что-то об острове Тол-Гаинхорт... а впрочем, я могу и ошибаться, я ещё не выучила здеинюю географию должным образом.

Ада, ты, как всегда, оказался прав: встреча с Береном была ошибкой. Впрочем, я не жалею, что ушла за ним, иначе бы никогда не повстречала свою настоящую судьбу – моего ненаглядного Владыку. Кстати, про его уродство слухи распускают, видимо, из чистой зависти. Такого истинно мужественного очарования я не встречала ни у одного из своих поклонников (а согласишься, мама, что по их количеству я обогнала даже тебя!).

Засим откланиваюсь и жду вас на предстоящей свадьбе. Любящая дочь Люттиен, 30 июля ... года»

Листок медленно выскальзывает из ослабевшей руки Мелиан: такого она и в страшном сне не могла предвидеть.

– Люттиен... Мелькор... Эру... – и падает в обморок.

Тингол резво идёт за водой и приводит жену в чувство, попросту выливая стакан холодной жидкости той на лицо.

Сам же он вертит стакан в руках и бормочет под нос:

– Не, ну Мелькор, конечно, Враг Мира и всё такое... Но он хотя бы бессмертный, а значит, бедной девочке не придётся выбирать тяжкую смертную судьбу. Да и владения у него неплохие – Ангбанд, Тол-ин-Гаурхот, – эльф увлекается перечислением достоинств тёмного вала, загибая пальцы, и глаза у него загораются, – к тому же сколько, должно быть, золота в подвалах... А Сильмариллы, ты только подумай – Сильмариллы! – оборачивается он к жене, и мечтательная улыбка поселяется на губах Тингола.

– Да к тому же... – задумчиво чешет он затылок спустя пять минут раздумий, – родословная у него хорошая. Не подкопаешься.

Мелиан всё это время невидяще смотрит в никуда и, кажется, пребывает в полной прострации. Но при словах мужа о родословной вздрагивает, поднимает на него огромные глаза и шепчет:

– О, Эру... Что же за дети у них родятся?..

Глава 9. О том, как Мелькору цветы помешали

Люттиен в чёрном струящемся платье не спеша поворачивается у большого, в рост, кованого зеркала.

– Ты прелестна, – хриловатым обволакивающим голосом произносит Мелькор, подходя к ней. Руки вала вскидываются для объятий, но Тинувиэль со смехом уворачивается и грозит пальчиком:

– Мы ещё не женаты!

– Ну вот, опять ты за свои старые эльфийские сказки, – возмущается Бауглир. – Я и без того тебя обхаживал полгода!

– Подождёшь ещё пару недель, – беспечно отвечает Лютиен и перепархивает на другую половину комнаты, подальше от Мелькора.

Тот провожает её уже не скрываемым откровенным взглядом, и эльфийка признаётся себе, что это приятно. Теперь она лучше понимает свою цену – и свою ценность. В том числе и для Мелькора.

Вала неслышно перемещается к ней за спину и, почти касаясь заострённого уха Лютиен, шепчет:

– Ты же будущая Тёмная Владычица. Тебе положено нарушать правила... а ты держишься за них мёртвой хваткой. Может, хотя бы поцелуемся?

Тинувиэль с сомнением смотрит на Мелькора. Поцелуй, пожалуй, можно себе позволить... Всего один. Эльфийка давно уже втайне мечтает прикоснуться к Владыке Тьмы, и потому, тряхнув головой, соглашается:

– Ну, хорошо. Но только поцелуй, без шуточек!.. Тёмным доверять нельзя...

Кладёт ладони на плечи вала и, закрыв глаза, тянется к его лицу. Мелькор расплывается в довольной улыбке: как же, Эру возьми, приятно, когда в результате хитрой игры добиваешься своего! Когда первая красавица Средиземья *сама* льнёт к тебе, *сама* признаёт тебя самым умным, желанным и любимым – это что-то... Ни в какое сравнение не идёт одна добровольная душа с сотней, да что там – хоть стотысячной ордой слепых рабов, подгоняемых лишь страхом и приказом.

«Однако, я что-то опять не к месту расфилософствовался» – думает вала и, наконец, накрывает губы Лютиен своими. Поцелуй затягивается, руки Мелькора сами собой перемещаются на... гхм... почти спину эльфийки и, притягивая к себе, не желают никуда убраться.

– Ээм... – скрип двери отрезвляет Лютиен, и она разрывает-таки поцелуй, оборачиваясь. Мелькор притягивает её крепче к себе и рывкает:

– Кого там принесла светлая сила?!

– Я... только хотел спросить, какие цветы брать на венки для драконов, – заикаясь, произносит орк. – Просто ромашки он сжевал в один присест, а на розы жалуется и говорит, что у него аллергия на запах...

– Дракоши! – лицо Лютиен расцветает, и она, воспользовавшись замешательством вала, выскальзывает из кольца рук и бежит к двери. Подхватив под локоть покрасневшего орка, увлекает того на выход, щебеча что-то лестное о Глаурунге и Анкалагоне. Под конец упоминается Кархарот, и Мелькор рычит не хуже последнего: Лютиен и зверинец – это надолго.

«Ну, ничего, – утешает он себя, хромящей походкой подойдя к зеркалу, – через пару недель эльфы-тихоходы доберутся до Ангбанда, и можно будет отыграть-таки свадьбу... и заодно всласть на ней повеселиться...»

Маленькая эльфийская трилогия

Цена одной песни

Линдир пропадал в огромной библиотеке Имладриса уже четвёртый месяц подряд. Перебирая тонкими пальцами хрупкие, но жёсткие свитки, сдувая пыль со свёрнутых в трубочку пергаментов, благоговейно прикасаясь кончиками пальцев к переплётам толстенных фолиантов, он искал утраченное вдохновение.

А оно требовалось позарез. У Владыки Имладриса в грядущем сентябре ожидался юбилей: ему исполнялось шесть тысяч триста лет – срок даже для эльфа вполне приличный. И Линдир ещё в прошлом году обещал сложить для него песню – особенную, не похожую ни на одну из ранее исполненных. Но, как назло, в голову не приходило ни единой стоящей строчки. Когда же руки, привычно обняв арфу, перебирали струны в надежде создать хотя бы мелодию сначала – домочадцы Последнего Приюта разбежались, зажав острые ушки. Ибо Линдир оттягивал струну и, недовольный звуком, сейчас же брался за другую. Чувствуя, что вновь фальшивит, принимался перебирать известные ему мелодии совершенно хаотично, резко обрывая одну и переходя к третьей, после нескольких аккордов внезапно возвращаясь к сто двадцать третьей. Немудрено, что скоро он остался в полном одиночестве.

Менестрель не слишком расстроился. Сказать вернее – даже и не заметил. Куда больше он переживал оттого, что не мог создать ни музыки, ни слов. Он даже испугался: а вдруг мастерство покинуло его навсегда? Вдруг светловолосая муза больше никогда не повеет на него яблоневым дыханием, вызывая к жизни из-за грани миров звуки и образы?..

Да и сентябрь неумолимо приближался: солнце стояло в зените, поляны наливались алой кровью ягод – рукой подать до осени! А у Линдира не было ни малейшего представления о подарке Владыке.

Поразмыслив, горе-менестрель решил поискать вдохновение среди чужих творений. Не желая вслушиваться в переливы струн ныне здравствующих собратьев по музе, эльф отправился ворошить поистине бездонные летописные богатства Имладриса.

Это занятие так увлекло его, что он пропускал мимо ушей звон гонга, собиравшего всех к столу на обед и ужин. Спустя часа три после общей трапезы Линдир с невидящими глазами добирался до обеденной залы, брал пару попавшихся тарелок с едой и такой же сомнамбулической походкой возвращался обратно. Со временем в разных углах библиотеки

скопилась куча грязных чашек и плошек, о которые эльф запинался. Кухонная прислуга с ворчанием приходила их собирать, перемазываясь в пыли и ворча, что им скоро Владыке подавать не с чего будет, не говоря уж об остальных домочадцах.

Словом, поведение Линдира вызывало недоумение даже у эльфов, коим музыка слаще хлеба, как метко заметит впоследствии один хоббит.

Душным июльским вечером Лорд Элронд привычно расположился в Каминной зале, желая расслабиться под сладкозвучные мелодии и голоса певцов. Музыканты старались на все лады, но пальцы Владыки выбивали несмолкаемую нервную дробь по резным подлокотникам кресла. Наконец, жестом оборвав очередную песню на едва взятом аккорде, он осведомился:

– Где Линдир? Я не слышу его с минувшей зимы... и не вижу. Куда он запропастился?

– Он говорит, что больше не может сочинять, Владыка, – с плохо скрываемым пренебрежением в голосе ответил прерванный певец. – И сутками пропадает в библиотеке, лелея тщетные надежды снискать расположение муз вновь.

Элронд нахмурился.

– А ну-ка приведите его сюда! – резко велел он.

«Только этого мне не хватало – лишиться лучшего менестреля, когда моё сердце не покидает тоска по Келебриан... И, кажется, мрак снова сгущается, а значит, совсем скоро нас ждут новые испытания, быть может, более тяжкие, чем прежние...», – подумалось Элронду.

Линдир робко вошёл в зал и склонился перед Владыкой.

– Приветствую тебя, Линдир! – звучный голос полуэльфа мягко обвил менестреля. – Отчего ты перестал волновать наши души своими чудесными песнями?

– Я... Владыка Элронд, я... – лицо менестреля залила краска, пальцы принялись нервно теребить рукава тёмно-синего одеяния. – Ведь я обещал сложить для Вас песню – и сейчас как раз работаю над ней.

– Что, над одной песней целых полгода? – брови Элронда приподнялись, а среди собравшихся пробежали лёгкие смешки.

– Да, – с вызовом ответил Линдир, краснея ещё больше. – Но она должна быть особенной, не похожей ни на что, слышанное Вами ранее, – и он снова поклонился Владыке.

Тот снова забарабанил пальцами по креслу, но теперь медленнее и задумчивее.

– Ты заставляешь меня желать пришпорить коней времени, подобно смертным, – протянул полуэльф, не сводя взгляда со своего лучшего менестреля, сейчас напоминавшего взьерошенного воробья. – Что ж, Линдир, я не потревожу тебя ещё два месяца. Но после не надейся, что отделаешься одной песней, хотя бы и новой, – отвернувшись от Линдира,

он дал знак музыкантам продолжать и, казалось, поплыл в волнах музыки, прикрыв веки.

Но это было не так.

Получив недвусмысленное «добро» от Владыки, Линдир, кажется, забыл дорогу даже в собственную опочивальню, хотя надвигалась ночь. Его прервали как раз на самом интересном месте. И потому, вернувшись из Каминного зала, он затеплил три толстые свечи в гнущем подсвечнике и углубился в чтение.

В свитке речь шла о Последнем Союзе эльфов и людей, когда был повержен Саурон и разбита Тёмная рать. Конечно, Линдир, хоть и родился позже, не раз слышал эту историю – и сам сложил о ней не одну балладу. Но неизвестный автор пересказывал события столь увлекательным слогом – и с такой проникновенной горечью, что менестрелю невольно почудилось, будто он впервые узнаёт о падении Гортхаура.

...Гил-Гэлад, в разрубленных пополам доспехах, залитых кровью, сваливается на руки своему знаменосцу. Лицо Элронда искажается невыносимой мукой, рот раскрывается в беззвучном, немом – самом страшном – крике.

...Суровый Исилдур яростно размахивает легендарным мечом, тесня Саурона к скале и как будто не замечая, что клинок лишь вышибает искры, отскакивая от наглухо закрытых доспехов Тёмного Властелина.

...Элендил с пылающим Нарсилем пробивается сквозь ряды орков, как нож сквозь каравай хлеба. Он знает, что рыба гниёт с головы, и очень хочет обезглавить эту тухлую рыбу орочьей орды, а потому целеустремлённо пробивается туда, где наслаждается происходящим Саурон.

...А Кирдан Корабел, не вынимая висевший на поясе меч, стоит немного в отдалении и что-то шепчет, подняв руки на уровне груди. Белы его одежды, и алый, нестерпимо яркий свет испускает Нарья у него на пальце. Однако Саурон по-прежнему возвышается тёмной горой на фоне Горы, и никому не смешно от этого каламбура.

...Элронд, бережно опустив короля и друга на землю, с безумным взглядом бросается к месту поединка Саурона с Исилдуrom. Ему нужна минута, чтобы достичь их, всего лишь минута!.. С противоположной стороны, отшвырнув голову предпоследнего на левом фланге орка, подтягивается Элендил. Время замедлилось, как бывает порой в бешеном горниле боя. Элронд почти добежал, Элендил отбросил голову последнего орка далеко в кусты... И в этот миг Исилдур, повинувшись внезапному озарению, отрубил палец Саурону со вспыхнувшим на нём золотым ободком.

Нечеловеческий, выкручивающий душу крик разнёсся над полем. Тёмный Властелин пошатнулся, как завсегда тай портowego кабака,, дёрнулся и начал распадаться на глазах у двух армий. Длительная вечность

минута агонии – вновь минута! – и только чёрный плащ, прошеуршав, упал к ногам Исилдура.

Не веря своим глазам, тот потянулся к сверкающему ярче солнца золотому ободку. А Кирдан, за всю битву так и не вынувший клинка из ножен, наклонился снять с застывшей руки Гил-Гэлада другой ободок, со вставленным синим сапфиром.

Выпустив из рук свиток, Линдир с закрытыми глазами пытается удержать картину, нарисованную щедрым воображением. Саурон, избавившись от Гил-Гэлада, бьётся с Исилдуром. Кирдан шлёт на него потоки эльфийской магии, а с двух сторон бегут Элронд и Элендил...

Резко и широко распахнув глаза, Линдир почувствовал, что по спине пробежали холодные мурашки. Это получается – не догадайся Исилдур отрубить палец с Кольцом – они бы напали на Саурона вчетвером?! Одновременно?.. Благородные воители, лучшие сыны своих народов, возвеличенные в песнях, на которых выросло не одно поколение эльфов – что уж говорить о людях... Вчетвером на одного, как разбойники в тёмной чаще, не ведающие чести и достоинства...

Во рту стало горько. Рука, лежавшая поверх стопки книг, безвольно съехала вниз, гулко ударившись об изогнутую ножку стола. Певец не заметил, как заныли ушибленные пальцы, хотя обычно берёт руки.

Поднявшись, Линдир нервно заходил туда-сюда по книжному хранилищу. Эту привычку эльф давно и безнадежно перенял от своего Владыки. Но если Элронд ходил медленно и неспешно, обдумывая что-нибудь, то Линдир двигался всегда порывисто, будто не веря, что начатое движение – тела или мысли – будет закончено.

Менестрель вспоминал известные ему песни о поединке на горе Ородруин – и те, что слышал когда-то, и те, что сложил сам, – и недоумевал, отчего это ему раньше не бросалась в глаза столь очевидная вещь. Так или иначе, но все баллады говорили прямо о четырёх воителях, не побоявшихся сразиться с Сауроном, и не ввязавшемся в бой Хранителе. Но не будь силы эльфийских Колец – удалось бы так легко развеять Саурона пеплом по ветру?..

Итого – пять. Три эльфа и два человека на одного Тёмного Властелина. О величайшем поединке говорится прямым текстом: ничего стыдливо не замалчивается – и не приукрашивается. Поединок. Битва один на один. Пять – на одного...

Эру, что за туман застил нам глаза и уши? Если столько веков мы восхваляем и восхищаемся совершенно разбойничьим поступком – и называем это славным подвигом?..

* * *

Сады оделись в прозрачные золотые листья, кое-где разбавлявшиеся альми и рыжими сполохами. Утро двадцать третьего сентября выдалось свежим и хрустальным, как застрявшие в паутине капли холодной росы...

Казалось, сам Имладрис старается принарядиться, чтобы радовать взор своего Владыки в знаменательный для него день.

Последние приготовления. Роскошь пира. Нескончаемые здравицы и поздравления. Непрерывно звучащая музыка – но не лучшей в Имладрисе струны. Накануне Линдир настойчиво просил разрешения спеть под конец праздника, а не с самого начала. Он так просительно смотрел в серые глаза своего повелителя, вновь напоминая тому попавшего в грозу воробья, что Элронд махнул рукой и уступил очередной прихоти менестреля. А чудной эльф, вместо того чтобы обрадоваться, снова его удивил: взяв его ладонь в свои, крепко стиснул и на мгновение прижался к ней щекой.

«Станный какой-то Линдир стал, – озабоченно подумал Лорд Элронд, глядя вслед поспешно удалявшемуся певцу. – Надо бы поговорить с ним...» Но тут на Владыку надела шумная толпа с кучей вопросов по поводу завтрашнего праздника, и он решил отложить разговор до более спокойного времени.

Линдир, скромно притулившись с краю стола, откуда почему-то как по волшебству лучшие яства быстро отодвинулись, не сводил глаз со своего Владыки. Раскрасневшийся, с блеском в глазах, Элронд то и дело улыбался. Смеялся же он сегодня так открыто и искренне, будто вознамерился опровергнуть свой возраст. Нечасто доводилось его таким видеть за последние три сотни лет...

Сердце менестреля сжималось тем сильнее, чем беспечнее улыбался Владыка. Невыносимо видеть своего повелителя счастливым, зная, как это редко – и как исказится его лицо от последнего «подарка»... Хотя его ведь не в чем винить, совершенно не в чем: он кинулся мстить за потерянного Короля – и друга... О, как понимал Линдир это чувство!.. Он бы и сам, не раздумывая, также поступил, будь Элронд на месте Гил-Гэ... Эльф оборвал мысль на подступе, сжав побелевшими пальцами верную арфу. Из песни слова не выкинуть. Из истории – тоже.

Менестрелю весёлый праздник казался пыткой, и одновременно хотелось, чтобы он никогда не кончался. Наглядеться бы на своего Лорда в последний раз. Наверняка ведь – в последний...

Эльф вздрогнул: Элронд хлопнул в ладоши, призывая к тишине. И когда она установилась, возвестил, уже не скрывая радости в голосе:

– А теперь я прошу Линдира уважить мой юбилей и исполнить наконец *новую* песню. – И поудобнее устроился на троне, предвкушая полёт души вслед за пальцами и негромким голосом менестреля.

Линдир вышел на середину зала – почудилось, что на обледенелую и хорошо простреливаемую равнину. В последний раз взглянув на подетски ожидающее чуда лицо Владыки, певец ударил по струнам, как по живым змеям – наотмашь.

Сразу же удивила музыка. Отступив от привычного эльфийского стиля, Линдир брал лишь самые простые аккорды. Мелодия стусевалась,

спряталась за сперва дрожащий, но стремительно наливающийся силой голос менестреля.

Слова же шли поначалу вполне невинные: о прекрасном короле прошлого и ныне здравствующем его бывшем знаменосце, виновнике торжества; о королях людей, тогда отважных и великих... На строчках о Кирдане зал было совсем расслабился – настолько по-эльфийски нежно и в то же время грозно пел Линдир.

Но вот он дошёл до того, как

...бился против всех один проклятый Чёрный Властелин.

Бой внятером на одного стал поединком для него.

Он знал, что безнадёжен бой – зачем же спорил он с судьбой?..

Строчки по-прежнему легко ложились на эльфийские души... но речь-то шла о Сауроне! Или слушатели что-то пропустили, отвлеклись? Нет –

Что ж вихрем он не улетел? Он не сумел – иль не хотел.

И вот, распятый на мечех...

После слов о Кольце Линдир вновь резко ударил по струнам и, набрав воздуха, как для прыжка под воду, продолжил, разрушая последние иллюзии внимавших ему эльфов:

Но полно говорить о нём! Он был врагом и сдох – врагом.

Мы лучше славу воздадим героям, что сразились с ним.

Мелодии почти не было слышно. Только тонкий, натянутый сильнее любимых струн голос Линдира.

Тем рыцарям, что внятером с одним расправились Врагом.

Окончив, менестрель не поклонился, как обычно. Лишь устало опустил арфу к ногам.

Ирония дошла не до всех, и в наступившей оглушительной тишине кто-то одобрительно произнёс:

– Правильно, хватит про Врага, давай про героев. Про рыцарей! – и хлопнул по столу опустевшей чаркой. Для менее пьяных и более сообразительных домочадцев Последнего Приюта это прозвучало сигналом: эльфы закричали, загомонили, обвиняя певца и призывая на его голову всевозможные кары.

Резко побледневший Элронд стремительно поднялся с трона. Линдир всё смотрел на него, не отводя взгляда. Остановившись от лучшего своего певца в шаге, Владыка прошипел:

– Мальчишка... Что ты знаешь о... – боль в серых глазах спряталась за бешенством: – Новая песня, значит! Подарок, значит! Получай награду!.. – тяжёлая ладонь впечаталась в открытое лицо менестреля. На покрасневшей щеке выступили две капли крови от кованых узоров Вилья.

– Мой Лорд! – закричал Линдир, пошатнувшись. – Я люблю Вас, боготворю, я с радостью отдам жизнь за Вас! Но нельзя, слышите – нельзя называть жабу соловьём. Это не благородный поединок, не честное

сражение, а разбойничья свалка! Кто-то же должен был это сказать! Ведь баллады складывают – и внимают с распахнутыми сердцами... и учат им детей... и так уже много лет...

Элронд невидяще смотрел на него, а потом тихо, но отчётливо произнёс:

– Убирайся. Если я разбойник, уходи из моего Дома. – Лорд направился к выходу, на пороге обернулся и крикнул: – Живо! У тебя час на сборы! – и скрылся.

Подхватив арфу, Линдир прижал её к груди и пошёл к противоположной двери. Эльфы расступались на его пути, как будто по проходу вели пленного орка.

Спустя полчаса двор Имладриса пересекал по-дорожному одетый эльф. Остановившись, он коснулся ладонью росшего рядом дерева, вдыхая его аромат на прощание.

– Не трогай *мои* деревья, – раздался негромкий голос.

Владыка Ривенделла стоял, скрестив на груди руки, и смотрел на опального менестреля. В его лице уже не было ярости, лишь бесконечная усталость.

– Мой Лорд, – с тоской произнёс певец, – простите меня... если сможете. Хотя бы когда-нибудь. Я ведь не мог иначе...

Элронд со вздохом привалился к тому же дереву.

– Я – смогу. А вот они не смогут точно, – указал он на светившиеся в наползающей ночи окна Дома. – И потому я вынужден прогнать из Последнего Приюта свою последнюю отраду.

– «Не мог иначе!» – зло передразнил он, не дождавшись ответа. – Проклятье, Линдир, далась тебе эта Морготова справедливость!.. – последние слова Владыка почти простонал.

Менестрель склонил голову набок, запоминая очертания утонувшего в сумраке сада, чтобы унести его с собой. Оглянувшись на распахнутые двери Домашнего Приюта, спокойно ответил:

– Я певец, Владыка Элронд. Если я перестану следовать зову сердца и справедливости, я перестану им быть.

Линдир поклонился в последний раз своему Владыке и развернулся было уходить, как тот промолвил:

– Одно тебе удалось точно: это самая необычная из твоих песен. Да и... из всех, что мне довелось слышать.

Менестрель слегка улыбнулся. Не зная, что сказать на прощание, он просто взял ударившую его ладонь в свои и на мгновение прижался к ней губами.

Элронд провожал взглядом невысокую фигуру, пока та не скрылась в надвигающейся ночи. Пора было утихомирить подданных – и отныне учиться управляться с собственным сердцем без менестреля, самостоятельно.

Элронд не верил, что второе ему удастся.

Соблазнить Элронда

*Издержки духа и стыда растрата –
Вот сладострастье в действии. Оно
Безжалостно, коварно, бесновато,
Жестоко, грубо, ярости полно.*

*Утолено, – влечёт оно презренье,
В преследованье не жалеет сил.
И тот лишён покоя и забвенья,
Кто невзначай приманку проглотил.*

*Безумное, само с собой в раздоре,
Оно владеет иль владеют им.
В надежде – радость, в испытанье – горе,
А в прошлом – сон, растаявший, как дым.*

*Всё это так. Но избежит ли грешный
Небесных врат, ведущих в ад кромешный?*

Шекспир. Сонет 129

Имладрис шумел. Слуги спешно наводили порядок, стирали невидимую пыль и натирали полы до зеркального блеска. Ожидался приезд Лесного Короля: с недавних пор у Трандуила возникли новые соображения по поводу Некроманта в Дол-Гулдуре. После рассказов забравшейся слишком далеко горстки охотников Правитель Лихолесья встревожился и решил поговорить с Лордом Элрондом, не желая сразу будоражить весь Белый Совет.

Рассудив, что панику раньше времени наводить не стоит, Трандуил обставил свой визит как чисто дружеский – а потому взял с собой большую свиту, по-лесному диковатую и шумную.

Отводя часть Дома под гостевые покои, Элронд едва заметно хмурился. Поговорить с Трандуилом и впрямь нужно. Но его свита... Вовсе необязательно было тащить с собой три десятка взбалмошных синдар – это помимо личного эскорта охранной стражи, к которой претензий не было. Но к чему эти совершенно бесполезные праздные обалдуи? Будут вносить сумятицу среди его подданных... Да и ходили слухи, что в Лихолесье нравы куда свободнее, чем то заведено у потомков холдор...

Но ведь не скажешь же Лесному Королю об этом. Законы гостеприимства – то, что в Доме Элронда ценили особенно. Последний Приют держал двери открытыми для любого, кто не нёс печати зла.

* * *

От отряда стражников и придворных, сопровождавших Лесного Короля в Имладрис, немного поотстали три всадницы. Собой они являли живописную картину: рыжие, как солнце, светлые, как заря, и чёрные, как вороново крыло, волосы их развевались по ветру.

– Ой, мы уже завтра увидим Глорфиндела! Говорят, он душка. Я так люблю блондинов... – протянула рыжеволосая эльфийка, откидываясь в седле и поглядывая в маленькое ручное зеркальце.

– Иримэ, да только слепой не заметит, как ты на нашего Короля смотришь! Все глаза об него обломала уже! – со смехом ответила светленькая Анариэль, ехавшая рядом.

– Да кто ж на него не смотрит-то... – мечтательно вздохнула та, и девушки пустились в обсуждение настоящих и придуманных достоинств Грандуила.

Гэллаис, нахмурившись, подхлестнула лошадь. В отличие от подруг, черноволосой прелестнице довелось смотреть на Лесного Короля куда как близко. И он смотрел на неё благосклонно... пока однажды на рассвете, разомкнув объятия, лениво не бросил: «Больше не приходи».

С тех пор девушка испытывала стойкое отвращение к блондинам. Хотя приняла отказ удивительно спокойно – для рано осиротевшей дворянки, которую Король решил поддержать весьма нестандартным способом. Но опыт у эльфийки остался хороший... да и как иначе, с таким-то роскошным любовником...

– Гэлла-аис!.. – ну вот, начинается. – Говорят, в Доме Элронда такие строгие нравы... Что если не женаты, то прям ни-ни... Как же мне быть с Глорфинделом? Замужество в мои планы в ближайшие пятьсот лет ну никак не входит...

– Ой, будет чепуху-то нести! – в сердцах бросила черноволосая – подобные разговорчики её всегда раздражали. – Соблазнить можно любого, хоть Глорфиндела твоего, хоть и самого Элронда! Мужчины все одинаково устроены, надо лишь уметь с ними обращаться.

Иримэ круто повернула коня так, что он перегородил дорогу лошади Гэллаис.

– Прямо-таки любого?.. – сощурившись, промурлыкала она. – Настолько уверена в своих силах, что согласна поспорить?

Анариэль тоже придержала коня, с любопытством и недоумением прислушиваясь к разговору.

Гордо вздёрнув подбородок, Гэллаис усмехнулась:

– Почему бы и нет! Называйте любую кандидатуру. Грандуил меня такому научил, что ни одна крепость не устоит.

– Ты уже назвала, – промолвила Иримэ. – Лорд Элронд, благородный Владыка Имладриса, безнадежно тоскующий по ушедшей жене.

На мгновение Гэллаис смешалась, чувствуя, что впутывается во что-то нехорошее. Она было хотела обратить всё в шутку, но насмешливые лица эльфиек – первых сплетниц Лихолесья – разбудили в ней азарт.

– Согласна! – воскликнула она. – Я соблазню вашу Непрístupную Крепость. Так на что спорим?

Иримэ покосилась на собеседницу. Особенно её взгляд задержался на колье из синих сапфиров, украшавшее стройную шею Гэллаис – оно изумительно подходило к голубым глазам последней.

– Я рад приветствовать Короля Трандуила и Лесной Народ в своём скромном пристанище, – Владыка Имладриса стоял на пороге Дома, встречая гостей. Трандуил лишь кивнул в ответ, его свита учтиво склонилась.

Лесных эльфов, начавших было гомонить как в родном Лихолесье, отправили отдыхать с дороги. Гэллаис уходила последней, делая вид, что очень устала и плохо соображает – а сама из-под хитрых ресниц разглядывала Элронда.

Серые глаза оттеняло серое же просторное одеяние; ни драгоценных камней, ни золота не было на нём. Лишь обруч, свидетельствовавший о статусе Правителя, перехватывал тёмные волосы. Спокойствие и величие сквозили в каждом его движении и слове. Сила, исходившая от Владыки Имладриса, не нуждалась во внешнем блеске.

Добравшись-таки до гостевых покоев, эльфийка с размаху бросилась на кровать, пряча в подушки пылающее лицо. Соглашаясь на дурацкое пари, девушка и не подозревала, что оно настолько совпадёт с её желаниями...

Лихолесские эльфы в массе своей носили блондинистые шевелюры – или же огненно-рыжие. Над Гэллаис порой подшучивали, что она, должно быть, эльфийка лишь наполовину, а её отец наверняка из Эсгарота или Дэйла. После того, как девушка обучилась виртуозно владеть двумя кинжалами одновременно, шутки резко пошли на убыль. Попав же в Имладрис, Гэллаис растаяла от такого количества местных брюнетов. Минуты на три. Потому как, увидев Элронда, поняла, что смотреть больше ни на кого не желает.

Не любовь, но страсть, тёмная и душная, как ночь перед грозой, охватила эльфийку. Гэллаис стоило труда не выворачивать шею вслед Имладрисскому Лорду на обедах и охотах, в которых тот принимал личное участие, выказывая уважение гостям.

По вечерам же, когда Трандуил и Элронд, беседуя, запирались в кабинете последнего, девушка в одиночестве бродила по раскидистым садам Имладриса. Уюта и спокойствия здесь было куда больше, чем в родном Лесу. Простор и много солнца, свежесть водопадов и тепло Дома – Гэллаис казалось, что она попала в ожившую на глазах старую легенду.

И всё бы хорошо, но холод горных водопадов не охлаждал страстных желаний. Гэллаис влекло к Элронду всё сильнее, но почему-то, прожив в Имладрисе почти три месяца, она так и не сделала попытки к нему приблизиться. То ли момента подходящего не было, то ли глубоко в душе эльфийка понимала, что не имеет на него прав... Но носить в сердце и теле невысказанные желания становилось всё труднее.

К тому же брошенные в запале слова требовали воплощения: Гэллаис не привыкла раскидываться обещаниями.

Бесцельно бродя по Дому поздним вечером, Гэллаис сама не заметила, как добралась до Каминной залы. Впрочем, так случалось часто,

и не только с ней: Каминный зал обладал поразительно умиротворяющей аурой. И потому в нём почти всегда обреталась хоть пара-тройка эльфов, потягивавших вино, игравших на лютнях или просто молча глядевших на огонь. Камин здесь горел круглые сутки, и никто особо за ним не следил, не иначе как магией пользовались.

Не желая ни с кем встречаться, эльфийка уже хотела было пройти дальше, но мимолётно брошенный взгляд в приоткрытую дверь пригвоздил её ноги к полу.

Никого. В этот зябкий осенний вечер ни один эльф не пожелал отдохнуть душой у разожжённого для всех огня. Кроме Владыки Элронда.

Гэллаис замерла на пороге, не имея сил ни развернуться и уйти, ни сделать шаг внутрь. Голубые глаза лихорадочно оглядывали зал в поисках притаившегося в углу какого-нибудь менестреля, корпящего над свитком, или расслаблявшегося от службы стража. Но нет, Владыка смотрел в огонь и думал о чём-то своём в полном одиночестве.

Сердце Гэллаис пустилось вскачь. Не отдавая себе отчёта в том, насколько это может быть неуместно, она скользнула внутрь зала. Её накинутый на плечи шарф зацепился за ручку двери. Не став его отцеплять, Гэллаис просто закрыла дверь изнутри, оставив важную деталь туалета болтаться снаружи.

Элронд обернулся на шум. Досада мелькнула на его лице, но он не стал прогонять лихолесскую гостью.

– Вечер добрый, Владыка, – произнесла та.

– И тебе доброго вечера, Гэллаис, – вот это да, неужели за два месяца Лорд Элронд выучил по именам всю свиту Трандуила?! – Располагайся, как тебе удобно. Раз ты здесь, раздели со мной этот вечер.

Разумом Гэллаис понимала, что это всего лишь легендарное гостеприимство Владыки Имладриса, но Валар, как прозвучали его слова... А, будь что будет!.. Когда ещё ей выпадет такой шанс...

Гэллаис переместилась по сумрачному залу и тихо опустилась на ковёр у ног Владыки. До неё донёсся чуть пряный запах, шедший то ли от одежд полуэльфа, то ли от него самого. Шёлк тёмно-синих одеяний золотился в отблесках пламени, и хотелось зарыться в них лицом и ощутить, как волосы перебирают длинные суховатые пальцы, как кожу царапают кованые узоры бронзового кольца...

Эльфийка вздрогнула: рука Элронда и впрямь коснулась её, но не в желаемом ласковом прикосновении. Невольно задев плечо девушки, полуэльф протянул ей ладонь со словами:

– Вставай, Гэллаис. Не пристало тебе сидеть у моих ног, этим не грешат даже мои подданные.

Смотреть на Элронда снизу вверх было так... правильно, так завораживающе... Пламя камина плескалось в серых глазах, черты лица в полумраке смягчались, и казалось, что даже вечные заботы на время покинули Владыку Имладриса.

Не слыша смысла обращённых к ней слов, лишь глубокую мелодию мужского голоса, Гэллаис легко коснулась губами запястья протянутой к ней ладони. О, сейчас бы обвить кончиком языка контуры крепкой мужской руки, повторить губами переплетение линий на ладони, а после медленно поочередно втянуть пальцы в мокрый плен рта, лелея их обманчивую хрупкость... Но нельзя, нельзя...

От мимолётного поцелуя Элронд вздрогнул. Кожу обдало тёплым дыханием, мягкость губ напомнила о времени, когда Келебриан была рядом... Полуэльф отдернул руку – слишком поспешно.

– Гэллаис!.. – голос недоумеваает, увещевает и... слегка дрожит. – Встань же, прошу.

– Мой Лорд, – девушка приподнимается, теперь она стоит на коленях, её лицо на уровне груди Элронда. – Вы так прекрасны... Я не могу отвести от Вас взора с тех пор, как приехала сюда. Ваше величие, Ваше благородство... и Ваше невозможное очарование, Лорд Элронд, свели меня с ума...

Лицо Элронда – маска. Самообладания Властителю Имладриса не занимать. Сдерживаясь, чтобы не начать покрывать это лицо поцелуями, Гэллаис отстранилась и совсем уж шёпотом выдохнула:

– Мой Лорд... Вы спитесь мне ночами, я изнываю от желания коснуться Вас... целовать Ваши губы... Позвольте дотронуться до Вас. Позвольте разделить с Вами ночь, Лорд Элронд, лишь одну ночь, большего я не прошу...

Голубые глаза Гэллаис с мольбой и страстью смотрели на Владыку. Он беспомощно оглянулся, надеясь увидеть за соседней колонной тень стража, избавившего бы его от неловкости ситуации. Но – увы! – зал был пуст, ведь он сам велел оставить его на этот вечер в одиночестве. А коварная лихолесская соблазнительница закрыла за собой дверь изнутри, так что нечего было и надеяться на спасительный любопытный нос какого-нибудь эльфа, сунувшегося в Каминный зал.

Переведя взгляд на нахалку, стоящую перед ним на коленях с умоляющим взором, Элронд скользнул взглядом по незамеченной ранее детали её облика и нервно сглотнул. Нет, то, что девушки из свиты Трандуила носили более глубокий вырез на груди, чем привыкли в Имладрисе, он давно отметил. Но сейчас сквозь белое платье Гэллаис просвечивали соски, что придавало ей беззащитности и вызывало желание укрыть от зла всего мира в своих объёмах...

Полуэльф резко встал с сидения. Но если резкостью он хотел прогнать неприличные мысли, то просчитался: стоявшая на коленях девушка рядом с поднявшимся в полный рост мужчиной не способствовала этому.

«Пресветлые Валар, что же за наваждение», – подумалось Элронду, когда после пары тяжело давшихся шагов в сторону выхода перед ним вновь оказалась Гэллаис. Свет камина теперь падал на неё, и явственно было видно топорщившуюся ткань на груди.

Эльфийка попятилась назад, пока не упёрлась в закрытую дверь.

– Пожалуйста, Лорд Элронд, – жаркий шёпот полоснул по кончикам торчавших сквозь черноту волос ушей полуэльфа, и те заалели. – Я не посмею коснуться Вас и пальцем без Вашего согласия... но и уйти отсюда тоже не дам.

Властитель Имладриса опёрся спиной на удачно подвернувшуюся колонну. Давно ему не говорили ничего столь откровенного. Кровь против воли ускорила бег по венам, дыхание потяжелело. Но разум ещё оставался трезвым и неумолчной грозой нависал сверху.

Тем временем пальцы Гэллаис теребили ткань платья на груди. Завороженный их изяществом, Элронд пропустил момент, когда она, неумовимо извернувшись, одним движением скинула платье до пояса. Рукава повисли сломанными крыльями, и из горла Владыки невольно вырвалось восклицание.

Да и как было не восхититься соблазнительницей. Кожа её, облитая пламенем, казалось, светилась изнутри. Изгиб талии манил замкнуть в кольцо рук и прижать к себе с нерастраченной силой страсти. Темневшие соски – от прохлады ли воздуха, от сжигавшего ли девушку желания – покрылись мурашками и набухли, обещая блаженство припавшим к ним устам...

Покачивая бёдрами, Гэллаис приблизилась к Элронду, но вновь остановилась, не дойдя буквально шага. Ей безумно хотелось к нему прижаться, но Элронд не предпринимал никаких действий, а насиловать Владыку Имладриса в планы Гэллаис никак не входило. Она лишь молитвенно сложила руки на груди, глядя на него. Тёмные кудри девушки разметались, умоляющие глаза чернели в полумраке, рот слегка приоткрылся...

Полуэльф отвёл взгляд, пытаясь собраться. «Ну и разврату Трандуил развёл, – лихорадочно пронеслось у него в мозгу. – Синдар всегда были свободных нравов, но чтобы настолько...»

Гэллаис покачала головой. Ох уж эта имладрисская мода на длинные и свободные одежды, в которых не понять, как мужчина к тебе относится! То ли дело Трандуил: под столь же свободной королевской мантией он носил вполне облегающий костюм, было куда проще наблюдать за реакцией... Впрочем, упорно прячущиеся глаза и учатившееся дыхание Владыки Имладриса кое-что могли сказать лихолесской соблазнительнице...

Вздохнув сама, будто собралась нырнуть в холодную воду, эльфийка отточенным движением сбросила платье к ногам. Белая ткань, тихо прошелестев, плавно накрыла босые щиколотки нежностью шёлка. И тут Гэллаис краем глаза заметила валяющуюся в углу вещь, которую искала уже вторую неделю по всему Дому.

Деревянный продолговатый барабан и колотушка к нему. Этот музыкальный инструмент эльфийке подарил человек, дикарь из племени Лесных Людей. Он умирал на обочине, раненый шальной орочьей стрелой. Гэллаис вылечила его, и в благодарность человек подарил ей

единственную ценность, оказавшуюся при нём – барабан. С тех пор девушка порой играла на нём – чаще в одиночестве: собратьям не особо нравилась людская музыка. Не оценили необычную мелодию и в Последнем Приюте: после своего выступления Гэллаис ушла так поспешно, что даже оставила инструмент в Каминной зале.

Лорда Элронда тогда не было здесь... Хулиганская мысль сверкнула в голубых глазах. Змеёй метнулась обнажённая девушка, подхватила барабан, другой рукой подкинула в камин поленьев. Тот загудел, разгораясь с новой силой. Гэллаис ударила в барабан, и глуховатый тягучий звук, непривычный эльфийскому слуху, раздался под сводами зала.

Движения – грациозные, завораживающие... рваные, сбивающиеся с ритма, да и сам ритм дикий... но в то же время он будит в крови полузабытые искорки желания, и они разгораются всё ярче. Рыжий огонь бликами отражается на манящих изгибах тела, приковывая к ним взгляд.

...В памяти Элронда всплывает лицо Келебриан: счастливое, в дни их любви и мира, когда она смотрела на своего Лорда так нежно, что он готов был к её ногам кинуть всё Средиземье и Валинор впридачу... бледное, с опустевшим взглядом, в который он, как ни пытался, не мог вдохнуть жизнь... Меж тем звук людской музыки проникает в кровь – и будто размывает любимый и далёкий образ.

«Что же я делаю», – гномьим молотом ухаёт в висках Элронда. Но заставить себя развернуться и уйти – да что там, не смотреть на изгибавшееся в отблесках пламени девичье тело он уже не мог.

...Окончив танец, Гэллаис отложила барабан, подошла к Владыке и склонилась в лёгком поклоне, как будто была придворной танцовщицей, развлёкшей его на празднике. И этот несуразный для обнажённой девушки жест стал последней каплей, переполнившей чашу сдержанности Лорда Элронда.

С глухим полурычанием подавшись вперёд, он схватил эльфийку за плечи и, развернув на пол-оборота, прижал к колонне, секундой ранее служившей ему опорой. Поцелуй сорвался: от поспешности губы полуэльфа соскользнули с губ прелестницы, и он только мазнул по коже щеки. За три столетия подзабыл немного Владыка, как целуются...

Но не зря говорят, что мастерство не пропьёшь никаким мирувором. Начав нежнее, будто вспоминая и пробуя заново, вскоре Элронд вжимал Гэллаис в колонну всем телом и целовал так, что у обоих темнело в глазах. И лихолесская красавица поняла, что зря ругала имладрисскую моду: просторная одежда Лорда Элронда никоим образом не мешала понять (и почувствовать) его отношение к происходящему...

Неохотно отлепившись от её губ, он, наконец, посмотрел на неё – вблизи. Радость и жадное «ещё!» крупными рунами были написаны на разгорячённом лице. Довольно усмехнувшись, полуэльф притянул обнажённое тело к себе. Руки заскользили по нежной бархатной коже спины, сжали ягодичцы, переместились на гладкий живот и уползли выше...

Откинув голову, Гэллаис негромко стонала, выгибаясь под ласками. Грубоватые для эльфа ладони заставляли кожу гореть, а прохладный шёлк длинных рукавов охлаждал её. Элронд ласкал эльфийку пока лишь до бёдер, растягивая нежданно свалившееся удовольствие. И девушку это почти устраивало... кроме одного: на мужчине слишком много было одето. «Всё-таки определённо у меня нелюбовь к произведениям местных портных», – подумала Гэллаис, потянувшись к фигурной застёжке под горлом Элронда.

...Когда на Владыке Имладриса остались лишь обруч, обозначавший статус, и кольцо на левой руке, пришёл черёд эльфийке восхищённо выдыхать. Что бы там означенный Владыка ни думал о Лихолесье как средоточии всяческого разврата, это было далеко не так. По крайней мере Гэллаис за свои восемь сотен лет не видела обнажённых мужчин, кроме Трандуила. И теперь, любуясь открывшейся картиной, невольно сравнивала.

Элронд был ниже Трандуила, покрепче, посуше в кости. С эльфийской точки зрения вообще не слишком изящен, от его фигуры веяло скорей основательностью и скрытой мощью. За спиной полуэльфа разгорался камин, и Элронд казался выточенным из куска антрацита на фоне тёплых рыжих языков пламени. Он молча позволял собой любоваться, совсем как Гэллаис недавно, но удавалось это ему только благодаря привычке к многолетней сдержанности...

Пальцы эльфийки осторожно провели по скуле мужчины, заправив за ухо выбившуюся чёрную прядь. Не могла она всё-таки начать с чего-то менее целомудренного. Элронда же кольнуло в сердце от её невинного жеста: снова вспомнилась Келебриан, которая тоже часто поправляла ему причёску со смешливым упрёком, что Владыке негоже щеголять растрёпанным, как последнему огороднику... Но Лорда отвлекли мягкие губы, обхватившие мочку левого уха, и горячий язык, заскользивший по шее вверх-вниз и обратно. А потом – тонкие девичьи пальцы, что принялись рисовать узоры у него на груди и плечах.

Слегка расставив ноги для лучшей устойчивости, полуэльф закрыл глаза – так ярче отзывались прикосновения. Гэллаис, воспользовавшись этим, зашла ему за спину и заскользила языком вдоль позвоночника, отчего с уст Элронда сорвался рваный вздох. Улыбнувшись, девушка принялась покрывать поцелуями спину мужчины.

Отстранившись, Элронд прислонился к колонне. Ему нужна была опора, так как ноги не справлялись с привычной задачей ровно держать хозяина. Холод мрамора слегка охладил распалённое тело, но эльфийка подлила масло в огонь, снова опустившись перед Владыкой на колени...

Пальцы Элронда до побелевших костяшек вцепились в мрамор колонны, казавшейся теперь вполне тёплой. Властный обруч сбился набок, уложенные волосы разметались, а жаркое дыхание мешалось с едва сдерживаемыми стонами. Гэллаис, искоса поглядывая на лицо Владыки, с трудом удерживалась от улыбки, которая сейчас бы ей (и ему) только мешала.

...Хвалёная выдержка полуэльфа окончательно треснула по швам: положив ладони на плечи Гэллаиса, он надавил, опуская её на покрытый ковром пол, и сам рухнул сверху. Руки вцепились в руки девушки, лишая свободы движений, сжимая, оставляя синяки на тонких запястьях... Он не замечал этого. Гэллаис тоже. Стоны срывались с губ в унисон, не заботясь более о громкости звука и плотности стен.

Не переставая подаваться ему навстречу, Гэллаис потянулась за поцелуем – и по её подбородку потекла тоненькая струйка крови. Дремавший в Элронде зверь вырвался наружу. Гэллаис упорно будила его – и ей это удалось сполна.

...Сознание возвращалось медленно, толчками. Будто он пытался выплыть из-под льда и постоянно врезался головой в толщу застывшей воды. А найдя наконец полынью и выбравшись, изрезался об острые края.

Тело, недавно столь активное и довольное, как будто ему не принадлежало. На душе же было пусто. И эта звенящая пустота пугала и изматывала сильнее, чем если б его мучило раскаяние, вина или воспоминания о Келебриане.

Высвободившись из-под лежавшей на нём руки Гэллаиса, Элронд сел, прислонившись к роковой колонне. Кажется, он уже не сможет спокойно относиться к этому безобидному элементу архитектуры...

Спину обожгло холодом, и Владыка Имладриса криво накиннул на плечи брошенную одежду. Серые глаза, из которых ушёл лихорадочный блеск, смотрели на огонь без выражения.

Гэллаис завозилась, ища своё платье. Неловко натянула его – и застыла, не зная, что делать дальше. Элронд молчал, и она не смела нарушить это молчание. Полуголый, в мятом наброшенном клочке материи, с искусанными губами и отрешённым лицом – сейчас он снова был Властителем. Сила, отступившая под сорвавшейся шлюзы страстью, вернулась к нему, но... какой-то она была надломленной. Будто трещина пробежала по щиту: не смертельно, но лучше взять целый.

Испугавшись, Гэллаис хотела окликнуть Элронда, но голос внезапно сорвался. На второй раз её решимости не хватило. Захотелось обнять полуэльфа, растормошить его, крикнуть, что она не хотела такого, что пусть лучше всё будет как раньше...

Наклонившись, она на мгновение прижалась губами куда-то к виску Элронда. Развернулась и, подобрав подол, бросилась из Каминной залы.

* * *

Крадучись, лихолесская эльфийка идёт по переплетению коридоров Последнего Приюта к своей комнате. Заслышав переливы голосов, она метнулась было в тень, но поздно.

– О, Гэллаис! Что ты тут делаешь? – воскликнула Анариэль. – Мы ведь скоро уезжаем домой, в Лихолесье... Тебе надо успеть соблазнить Лорда Элронда за это время, если не хочешь расстаться с ожерельем... а ты вместо этого прячешься по тёмным коридорам.

– Мне кажется, она уже попыталась это сделать, – уронила Иримэ и пристально взглянула на Гэллаис. – Ты опаздываешь к обеду и раньше всех стремишься уйти обратно, почти не выходишь из своих покоев... и даже отказалась вчера от прекрасной конной прогулки! Это совсем на тебя не похоже...

Усилием воли Гэллаис подавила судорожный вздох. Она и впрямь избегала Элронда всеми силами, страшась встретиться с ним глазами или – того хуже – ненароком столкнуться наедине. Ей хотелось поскорее уехать из Имладриса – желательно на противоположный конец Средиземья. И в то же время... она не верила, что забудет тот вечер в Каминной зале. Задумчивость Элронда, сменившаяся вспыхнувшей, как факел, страстью... сильные ласкающие руки, тяжесть мужского тела, до боли вжимавшего её в ковёр – и после странно опустевшие, будто потухшие, серые глаза... Гэллаис не понимала, что за клубок застрял в груди из-за нелепого спора, и не знала, как теперь его распутывать.

– Так что же ты, Гэллаис? – затеребила её Иримэ, отвлекая от раздумий. – Ты соблазнила местную Неприступную Крепость? Или Лорд Имладриса оказался тебе не по зубам?..

– Расскажи, как это было! – предвкушая пикантный рассказ, хихикнула Анариэль. – В любом случае пищи для сплетен хватит на ближайшие пару столетий!

Гэллаис развернулась и пошла к отведённым ей покоям. Подруги недоумённо переглянулись и уже хотели было отправиться за ней, но тут темноволосая эльфийка вернулась с ларцом в руках.

...Крышка откинулась, и две девушки не смогли сдержать восхищённых вздохов. Синие сапфиры, заключённые в серебро гномьей старинной работы, искрились даже при неярко освещении коридоров Дома Элронда. Серебро, если приглядеться, само испускало слабый свет. Наследство Гэллаис от матери, нёсшее печать последнего благословения – и единственное вещественное напоминание о ней.

Вытащив ожерелье, Гэллаис протянула его Иримэ. Та обрадовано взяла его, любуясь перемигиваниями камней. Но внезапно сверху оказались серёжки с такими же сапфирами, а в руку Анариэль лёг завершающий аккорд – браслет, менявший размер под запястье надевающего.

– Они ваши, – промолвила Гэллаис, переводя взгляд с одного обалдевшего лица на второе, с тем же выражением. – Если вы молчите о пари во всех уголках Средиземья и Валинора. Иначе я позабочусь, чтобы вас с почётом встретили в Чертогах Мандоса.

Опустевший ларец с гулким стуком покатился по полу, глуша и без того тихие шаги.

Встреча

Лесной Король возвращался в Лихолесье. Тревога не уменьшилась – да и как могло быть иначе, когда Саурон обосновался так близко к его границам и день ото дня наращивал мощь. Успокаивало лишь то, что Кольца у него нет, а у Светлых сил есть возможность подавить его, буде тот выступит открыто. Всё, что Элронд мог посоветовать Трандуилу, – не спускать глаз с вражьей крепости и усиливать войско. Но об этом Лесной Король и сам бы догадался.

Весь день небо затягивали тяжёлые тучи, то и дело принимался накрапывать мелкий противный дождик. Эльфы ехали молча, без обычных песен и шуток-прибауток – то ли погода так действовала, то ли настроение Короля передавалось подданным.

Когда стемнело окончательно, Трандуил велел остановиться на ночлег, давая отдых скорее коням, чем всадникам. Но эльфы были рады разжечь огонь и погреть – если не тела, так души – в этот промозглый осенний вечер. Завспыхивали костры маленького лагеря, и свита Лесного Короля потянулась к тёплым ярким пятнам среди мокрой серости.

Гэллаис, глядя на огонь, вновь вспомнила свой дурацкий спор – и пламя в Каминном зале, отражавшееся в серых глазах Владыки Элронда. Проклятье Перворождённых – память – впервые коснулось её леденящим крылом.

Капризный голос отвлек эльфийку:

– Иримэ, когда ты мне дашь кольцо? Мы же договаривались по очереди носить! А ты забрала и его, и серьги, и не снимаешь всю дорогу.

Рыжеволосая эльфийка равнодушно повела бровью, любуясь в ручное зеркало игрой пламени на синих точёных гранях.

– Ничего не знаю, она их мне дала, значит, мои. Гэллаис! – окликнула она эльфийку, рывшуюся в дорожной сумке. – Правда же, мне подходит твой подарок куда больше, чем Анариэль?

Черноволосая, не оборачиваясь, бросила:

– Сапфиры не идут зеленоглазым.

Иримэ хлопнула зеркальцем о колено в демонстративном возмущении:

– Ну конечно! Сама отдала, никто из рук не вырывал, а теперь злишься! Мы же не виноваты, что у тебя не срастается с Владыками, а ты всё равно к ним ла...

Что-то холодное, коснувшееся кожи за ухом, оборвало тираду на полуслове. Другое ухо обжёт шёпот:

– Я, кажется, кого-то предупреждала...

Иримэ поёжилась: наточен кинжал был хорошо, это определить могла даже она.

Убрав оружие, Гэллаис подхватила свои вещи и пошла к другому костру.

– Она что, совсем чокнулась? – с круглыми от страха глазами спросила Анариэль.

– Она всегда была чокнутой! – зло огрызнулась подруга, потирая кожу, где её царапнуло острие. – А как втюхалась в Имладрисского Лорда – так последние мозги потеряла! Ну её... а то и впрямь прирежет спящими... с неё станется...

Медленно бредя сквозь лагерь, Гэллаис дошла до шатра, где расположился Трандуил. Вынув оба кинжала, протянула их страже рукоятью вперёд со словами:

– Мне нужно видеть Короля.

Забрав оружие, тем не менее, её обыскали – быстро и с недюжинной ловкостью. Один из охранников виновато улыбнулся:

– Время беспокойное... Уж извини, Гэллаис.

Та понимающе кивнула – мол, всё в порядке – и вошла внутрь, про себя думая, что плохи дела в Средиземье, если девушек на входе в Трандуилов шатёр обыскивают... «Интересно, Арафель они тоже каждый раз проверяют?» – подумалось ей. Представив разодетую жеманную эльфийку, затянутую в корсет с тысячько шнуровок, которую стражники пытаются проверить на предмет ношения холодного оружия, она не выдержала и хихикнула.

Трандуил обернулся на звук – и брови его взлетели вверх.

– Вечер добрый, Владыка, – поклонилась девушка, стоя на пороге.

– Гэллаис? Я как раз думал о тебе... какое совпадение!.. – Трандуил поставил на стол недопитый бокал глентвейна.

– Может быть. – Сделав шаг вперёд, Гэллаис опустила на одно колено и произнесла: – Мой Король, я прошу разрешения уйти и больше не считаться лихолесской подданной. Отпустите меня.

Брови Короля изогнулись сильнее:

– Вот как? И чем же тебе не угодило Лихолесье, позволь узнать?

– А кто меня там ждёт? – эльфийка взглянула Трандуилу в глаза. – Семьи у меня нет, любви – тоже, дружба никогда не была моей сильной стороной... Родина? Конечно, я буду скучать по ней... но не настолько, чтобы оставаться там всю вечность.

Пальцы, унизанные кольцами, легли на ручку бокала, но к губам его так и не поднесли.

– И ты решила уйти искать любовь?

Или сбежать от неё... Хотя любовью свои чувства к Лорду Элронду Гэллаис не могла назвать при всём желании. Влечение, страсть, очарование... сожаление о глупости – и невозможность что-то изменить... Впрочем, верни события назад, она бы ничего не поменяла.

– Решила уйти посмотреть мир, – вспомнив, что ей задали вопрос, ответила эльфийка. – Он велик и, говорят, прекрасен. Я сама в этом убедилась, путешествуя с Вами.

Трандуил усмехнулся:

– Выходит, это я же тебя и сподвиг на подобное решение!.. Знал бы – оставил дома... Да встань ты уже!

Медленно Гэллаис поднялась и слегка облокотилась на одну из свай, державших шатёр, в ожидании ответа.

– А я хотел было предложить тебе вернуться обратно. Ко мне.

Настал черёд эльфийке удивляться:

– Ммм... Арафель Вам тоже уже надоела?

Трандуил скривился, как от зубной боли:

– Арафель... Она слишком послушная, слишком правильная... Не знаю! Она как неживая! Я выучил её всем приёмам и хитростям, и она всё правильно повторяет – но души в её действиях нет! Огня нет!

Трандуил рывком поднялся и оказался перед Гэллаис. Шёпот Лесного Короля обжигал, как раньше:

– В тебе был огонь, Гэллаис... Всегда был – и есть... Ты – живая... – пальцы эльфа скользнули по щеке девушки, лаская, и приподняли подбородок. Синие глаза заглянули в голубые – и сладкой болью отозвались воспоминания об умелых и нежных ласках Лесного Владыки. Прекрасное лицо медленно наклонилось, и губы его накрыли губы девушки в прощальном поцелуе.

Отстранившись, Трандуил произнёс обычным тоном:

– Что ж, решила уйти – иди. Я освобождаю тебя от всех обязательств перед собой и Лихолесьем. Но и обратно не просись – не приму!

Стянув, не глядя, по кольцу с каждой руки, он положил их на стол со словами:

– Возьми, пригодится.

Решив не брезговать подарком – или платой, – Гэллаис спрятала кольца за пазуху. Склонив голову в последнем поклоне, молвила:

– Прощайте, Король Трандуил. Будьте удачливы в правлении... и везде.

Привычным жестом пристроив возвращённые кинжалы под одежду, эльфийка направилась было к распряжённым лошадям, но вспомнила, что они устали. И её Ламир не исключение. Со вздохом решила она перекантоваться в лагере до утра.

Около четырёх утра дождь, наконец, прекратился, и задул пронизывающий ветер. Гэллаис, так и не сомкнувшая глаз, пробралась к лошадям и отвязала Ламир. Часовым она предъявила кольцо Трандуила, сказав, что он отправил её с важным и срочным донесением. И, вскочив в седло, пришпорила лошадь, уносившую её в предрассветную тьму и сырость от уютных огней, от дороги домой – и от прошлого.

Жёлто-бурые листья еле слышно шуршат под ногами менестреля. Дорогу размыло и развезло нескончаемым потоком осенних дождей – в этот год октябрь был щедр на хлеставшую с небес воду как никогда. Линдир на своей памяти не припоминал такого буйства стихий: дорога напоминала грязевое корыто, в котором люди проваливались по колено, если не по пояс, а колёса повозок вязли, не в силах вертеться в густой грязи.

Эльфу подобные проблемы были нипочём: он шёл по обочине, почти не оставляя следов за собой. Плечо оттягивала привычная тяжесть арфы, заботливо укутанной от дождя и сырости. Шёл четвёртый год с тех пор, как менестрель покинул родной Имладрис.

Три года для эльфа ничто, но Линдиру казалось, что за это время он увидел и узнал больше, чем за все предыдущие полторы тысячи лет. Он прошёл по Восточному тракту, зазимовал в Пригорье, а после долго бродил среди развалин Форноста, вспоминая его былую славу. Принимали путника с разной степенью любезности, но лучшая струна Имладриса (а может, и не только его) давала возможность заплатить за кров и хлеб, так что отказа певец не знал нигде.

Он пел чаще старые песни, проверенные веками и отточенные многократным повторением. Новые складывались медленно: Линдир сам вслушивался в окружающую жизнь, набираясь впечатлений, и почти не брался за творчество.

...Покинутый Имладрис снился эльфу едва ли не каждую ночь. Стоило закрыть глаза, и Последний Приют выплывал из ниоткуда: махал ветками знакомых деревьев, подмигивал горящими в ночи окнами и язычками пламени из камина, скручивал душу родным наречием... С тяжёлым сердцем певец проваливался в забытье, без расцветенных красками дивных эльфийских видений: он не хотел ничего видеть и вспоминать.

Линдир дорого бы отдал, чтобы встретить кого-нибудь из Дома Элронда. Но сильнее всего тосковал он по своему Лорду: особая, невысказанная близость связывала певца и Владыку в лучшие дни. Не раз и не два закрадывалась подленькая мыслишка: а стоило ли вообще складывать эту злосчастную песню о поединке на горе Ородруин?.. Далась же ему эта Морготова – прав был Элронд! – справедливость!.. Не съешь её, не выпьешь, в карман не положишь... Тем более прошлого не воротишь. Что он доказал своей песней? Возвёл поклёп на несколько умерших и живых людей и эльфов, что защищали себя и свой дом как могли и умели. До рассуждений ли им было – в горниле непрекращающейся войны?..

В такие моменты Линдиру порой хотелось вернуться – и признать, что он неправ. Раскаяться. Сородичи, полюбовавшись зрелищем склонившего голову непокорного менестреля и вдоволь позлословя, примут обратно, довольные, что оказались правы. А Элронд будет ему только рад...

Но охладила тонкие пальцы гриф арфы, и отрезвлял этот холод от малодушных порывов. А сильнее менестреля отрезвляло воспоминание о своём Владыке – о невыразимой усталости и затаённой боли в серых глазах в тот последний вечер. Лорд Элронд ведь тоже понимал эту проклятую справедливость! Понимал и разделял... только не имел права назвать по имени. А его певец – мог... И если он сейчас откажется от этой правды, сдастся – предаст тем самым не только себя, но и своего Лорда.

И Линдир со вздохом забрасывал дорожную котомку и арфу за плечи и упрямо шёл всё дальше и дальше от Имладриса. А когда становилось совсем невмоготу, усаживался под ближайшим деревом, откидывался назад с закрытыми глазами, и долго молчавшие уста нащёптывали строчки, поднимавшиеся из сердца:

*Вся наша жизнь отныне без остатка –
Холодный блеск, стальное остриё.
Не отступить – мной брошена перчатка,
Не отступить – Вы подняли её.*

В который раз Гэллаис натянула на голову меховой капюшон, то и дело срываемый гулявшей метелью. Вчера она, недоглядев, зацепилась о неприметный куст завязками и оторвала их, и сейчас порядком об этом пожалела. Ветер завывал, взметая кольца чёрных волос и норовя бросить прямо в лицо мокрые хлопья снега. Лошадь за день борьбы со стихией вымоталась, и всадница – тоже. И потому, завидя гостеприимные огни окон, эльфийка свернула к стоявшему на перекрёстье дорог постоялому двору.

Закопчённые стены и столы, чья темнота не могла поглотить яркий огонь в камине – конечно же, в камине! Но не успела Гэллаис толком осмотреться, как кончиков ушей её под неснятым капюшоном коснулась привычная нежно-грустная мелодия – так играть в Средиземье могли только эльфы...

*...не отступить – мной брошена перчатка,
Не отступить – Вы подняли её.*

Слова, хоть и явно с середины песни, хлестнули почище мокрых хлопьев в буран. Она застыла посреди зала, вслушиваясь.

*Не отступить – хоть правил я не знаю,
Смертельный финт придержан до поры,
Ах, ради Вас, хоть я и не играю,
Но принимаю правила игры.*

Поискав глазами певца, эльфийка не сразу заметила его. Менестрель притулился в углу, и его скрывала тень. Клочок света падал на арфу, и струны отражали пламя камина и свечей на стенах.

*Был выбор мой – сомнением за отвагу,
Был вызов мой – Вы приняли его.
У Ваших ног – изломанная шпага,
Несбывшейся победы торжество.*

– Что желает леди? Глинтвейн, эль, может, горячего духмяного чаю с морозцу?.. – перед Гэллаис материализовался приземистый трактирщик с подносом в руках.

– Тшше... потом! – зашипела она и для пушей убедительности замахала руками. – Дайте дослушать.

Трактирщик пожал плечами и, ловко балансируя заставленным снедью подносом, направился к одному из столов. А эльфийка судорожно собирала обрывки песни воедино:

*...за краткий миг – высокая цена:
Никто из нас не верит в отступленье,
Но никому победа не нужна.*

Раздались жидковатые аплодисменты. В глиняную чашку певца, цокая и сталкиваясь друг с другом, полетело несколько монет.

Гэллаис не видела этого. Перед её мысленным взором всплывали то один, то другой эльфийские Владыки, с которыми её распорядилась свести жизнь. Точёное лицо, белокурые волосы, нежность – и ядовитое самолюбие, разлитое, казалось, по венам Лесного Короля... Печаль серых глаз Владыки Имладриса; огонь, подёрнутый пеплом, что тронул уголья алым цветком – и рассыпался... Она не знала других Королей – и других мужчин. А сейчас не осталось ничего из того, что было...

Менестрель тем временем, поклонившись, направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Тёмно-синее его одеяние взметнулось от шагов, и только тогда эльфийка очнулась.

– Постойте! – бросилась она через зал под смешки постояльцев. Схватив эльфа за локоть, повторила: – Постойте... могу я с вами поговорить?.. ваша песня меня... может, сядем куда-нибудь?

Немного удивлённый, тот кивнул и повёл девушку к дальнему пустому столу.

– Меня зовут Линдир, – промолвил певец, когда эльфийка заказала назойливому трактирщику первый попавшийся чай и ужин на его усмотрение. – Признаться, не ожидал увидеть здесь сородичей... – прибавил он с лёгким вздохом.

– Что привело эльфа в столь отдалённую местность? Здесь на много миль ни одного эльфийского поселения... да и людские далече, – спросила Гэллаис.

Карие глаза взглянули с доброй усмешкой:

– Я мог бы тот же вопрос задать и вам, леди! Но, коль вы спросили первая... Когда-то я жил в Ривенделле, но три года назад, – вновь вздох, ещё легче прежнего, будто эльф пытался, но всё же не смог с собой справиться, – ушёл оттуда и, боюсь, навсегда.

Сердце Гэллаис занью сладкой болью при упоминании Ривенделла. Откинув наконец капюшон тёмно-зелёного, по лихолесской моде, плаща, она взялась за принесённый чай. Менестрель же смотрел на мокрые от снега чёрные пряди, на порванный на плече рукав – и не прикасался к ужину.

– Отчего же вы покинули прекрасный Имладрис? – тихо спросила девушка. – Сады его великолепны даже поздней осенью, хозяева радушны

и благородны, и постоянно звучат в нём песни и стихи... Есть ли место для менестреля лучше? Особенно если то его родина...

Теперь заняло сердце Линдира. Незнакомая эльфийка описала Ривенделл столь точно, что перед глазами вновь встал, как наяву, Последний Приют – с теплом огня и свежестью водопадов, тишиной комнат и мелодичным смехом в залах... с его Лордом, кем Линдир искренне восхищался, считая (и не он один) живой легендой... кто любил его музыку и песни более всех прочих, хоть и стараясь это скрыть – от других, не от себя – и не от менестреля...

Вспомнив, что невежливо столь долго не давать ответа, эльф поднял глаза и вымолвил:

– Я спел для Лорда Элронда одну песню. И не смог оставаться долее в Имладрисе.

Едва пригубив обжигающего, с пьянящим ароматом чая, Гэллаис поставила кружку обратно на выдавшую виды когда-то белую скатерть.

– Что же вы спели? – тонкая бровь взлетела вверх. Линдир улыбнулся – всё с той же затаённой печалью в глазах:

– Хотите услышать?

И, не дожидаясь ответа, потянулся за арфой.

Чай давно остыл. Если бы мог, он бы уже покрылся тонкой корочкой льда, но потрескивание дров в камине не оставляло ему такой возможности. Жаркое, обильно приправленное зелёным горошком, убьло хорошо если на треть.

Гэллаис, подперев голову кулаком, смотрела на певца. Тот, на ладони взвесив полученные монеты, убрал их за пазуху и снова сел напротив эльфийки.

– Здесь за это даже платят, – без улыбки сказал Линдир. – Не свистят, не проклинают... и не прогоняют. И от этого мне тяжелее, чем от пощёчины Элронда.

Эльфийка покачала головой. Да уж, на месте Владыки Имладриса она бы тоже за подобное выгнала, и подальше. Хотя... хороша песня. И исполнения столь прекрасного она давно не слышала...

Девушка помотала головой, пытаясь встряхнуться. Слишком много на неё навалилось: воспоминания о бывших любовниках, встреча с сородичем там, где меньше всего ожидала, – и обрушившаяся холодной лавиной изнанка давно знакомой истории. А за плечами – многодневный путь без цели и особого смысла, и завтра ждёт та же заметённая дорога...

– Вам стоит отдохнуть, – мягкий голос певца озвучил её мысли. Эльфийка кивнула и, с трудом поднявшись, встала, намереваясь пойти поискать куда-то запропастившегося хозяина. Но из-за соседнего шумного стола внезапно поднялся явно разбойничьего вида одноглазый заросший тип и с ухмылкой провозгласил:

– Точно! А лучший отдых – в жарких объятиях, – и пьяно подмигнул опешившей от такой наглости эльфийке. – Красотка, отдохни-ка со мной

и с моими друзьями! – широкий жест на гомонивших собутыльников, двое из которых с такими же оценивающими ухмылками встали из-за стола и начали окружать девушку. Остальные постояльцы продолжали спокойно сидеть, как будто ничего и не происходило. Лишь мужчина в доспехах у противоположной стены неодобрительно покосился, но не отреагировал и вернулся к прерванному ужину и разговору.

Два клинка, молниеносно вынутые Гэллаис из складок плаща, блеснули под неровным освещением.

– Я не беззащитна, – голос спокоен, обманчиво спокоен. – И привыкла во всём полагаться только на себя – и двух своих верных друзей. – Кинжалы взлетают в воздух, совершают кульбит и возвращаются в ладони девушки – а взгляд её по-прежнему устремлён на ухмыляющихся ухажёров.

– А ты смелая, цыпа, – заметил одноглазый, распрямляясь во весь свой внушительный рост. Эльфийка переместила правую ногу чуть вперёд, уточняя позицию. Так, теперь поудобнее перехватить рукоять в левой руке...

Чья-то ладонь легла на её талию. Яростно развернувшись и досадую на себя, что позорно прошлапила момент, Гэллаис с размаху ткнулась в плечо, обтянутое тёмно-синей тканью.

– Это моя женщина, – громко заявил Линдир, притягивая её ближе к себе. От неожиданности девушка окончательно растеряла хваленую реакцию и только ошарашено на него смотрела. А эльф продолжал: – И спать она будет в моей комнате. Со мной.

– Э, да это ж эльфийка, – растерянно протянул один из подельников одноглазого. Тот зачесал в затылке, вспоминая слышанное о Дивном Народе и их воинском искусстве. Линдир же, не мешкая, свободной рукой быстро нашарил две монеты и бросил их на стол. Отточенным движением забросил на плечо арфу и, не снимая ладони с талии девушки, повлёк Гэллаис к лестнице, ведущей на второй этаж. Там располагались покои.

– И часто вы вступаете в драки с превосходящим по силам противником? – как ни в чём не бывало спросил эльф, запирая дверь изнутри.

– Это ещё кто кого превосходит! – вскинулась Гэллаис. – Людям так не научиться владеть оружием – им просто не хватит на это жизни. Я же убила на ежедневные тренировки полторы сотни лет!

Линдир бережно опустил арфу в угол, на брошенную циновку, и присел на краешек аккуратно застеленной кровати.

– Вы можете в совершенстве владеть клинками, но их больше, и они просто сильнее вас. – Спокойный голос и ясный взгляд карих глаз. Гэллаис, открывшая уже было рот для возмущённой тирады, произнесла на выдохе лишь тихое:

– Спасибо...

И украдкой потёрла правый бок – казалось, ладонь певца всё ещё лежит на коже, укрытой слоями одежды.

Линдир же взялся за покрывало, расправляя постель.

– Ложитесь, – молвил он и отошёл к окну, за которым завывал ветер, словно стремясь сорвать прочные деревянные ставни.

Гэллаис покосилась на его спину, но со вздохом полезла в дорожный мешок в поисках сменной одежды. Давно забытое чувство неловкости охватило её, и девушка долго не могла попасть в рукава туники, торопясь натянуть её как можно быстрее. «Что это со мной, – мысленно разозлилась она на саму себя, – подумаешь, менестрель какой-то... Я перед Владыками раздевалась! Да так, что они забывали о своём владычестве в мгновение ока...» Нарочито медленно расчесав волосы и перекинув их на грудь так, чтобы они подчёркивали изящество её форм, Гэллаис окликнула своего неожиданного соседа.

Эльф обернулся не сразу: то ли вглядывался в темноте во что-то, видимое лишь ему одному, то ли так же, как и Гэллаис, испытывал неловкость. Если же второе и имело место быть, виду он не подал: пройдя к кровати, улёгся у стены и сказал:

– Можете достать один из ваших кинжалов и положить между нами. Я бы предложил свою арфу, но здесь и без того слишком мало места, – с сожалением констатировал эльф. Кровать явно была односпальная.

Хмыкнув, девушка сдвинула подушку и села, прислонившись к изголовью и обхватив руками колени. Так она не видела Линдира, но всё равно остро чувствовала его близость.

– Вы даже не знаете моего имени, и предлагаете брать в постель холодное оружие?

– В вас нет зла, – губы певца вновь тронула улыбка, на сей раз вполне искренняя. – А что до имени, вы не представились, и я не стал настаивать. Каждый имеет право на тайну.

«На тайну...» – эхом отозвалось в голове Гэллаис. И всегда разделявшая последние слова Линдира эльфийка вдруг почувствовала острую – как кинжал у рёбер – потребность высказаться, выплеснуть едва знакомому эльфу всё, что копилось – столетиями... Закрывающиеся, выцветшие от боли глаза матери – и синий холод глаз Лесного Владыки... шепотки и смешки – за спиной и в глаза – и изматывающие утренние тренировки – в дождь и снег, и летний зной, снова и снова, на чистом упрямстве... Больные, изогнутые стволы родного Леса, ставшего Чёрным, липкая паутина в чаще – и зелень полян, залитая лунным светом и отблесками костров в летние весёлые ночи. Одиночество. Много одиночества. Вечер в Имладрисе, потухший взгляд его Владыки – и бегство от самой себя... Да видеть, не зря говорят люди: от себя не убежишь...

Когда Гэллаис, раскашлявшись от перехватившего за долгий монолог горла, замолчала, за окном стояла тишина. Метель улеглась, лишь порой слышно было, как с крыши то и дело мягко и глухо обваливаются шапки снега.

Линдир всё также лежал на спине, с закинутой на пол-лица согнутой в локте рукой. Наконец разогнул её и, потирая затёкший сгиб, буднично сказал нечто совсем не вязавшееся с рассказом эльфийки:

– Слышите, сколько намело снега? Зима бесится. Ведь пришёл февраль, и под снежной толщей заворочалась чёрная земля с жёлтыми семенами. Они уже не спят, они рвутся наружу. Я их слышу.

Он посмотрел на переставшую, наконец, кашлять девушку. И она впервые за время своей исповеди взглянула на собеседника... или вернее сказать – слушателя?

Повисшая тишина оглушила. Чёрные ресницы медленно, словно раздумывая, сморгнули – и спешно опустились, отводя взгляд. Два желания всколыхнулись в эльфийке: наклониться к Линдиру и поцеловать манящие в полутьме губы... и второе, непонятное и неясное, томившее душу наподобие тучи, что никак не разродится дождём. Гэллаис завозилась, вытягиваясь в полный рост, стремясь хотя бы столь незамысловатым движением стряхнуть оцепенение. Так и не разобравшись в собственных эмоциях, эльфийка почувствовала, как её накрывают покрывалом.

– Спите. У вас был тяжёлый день. – Помедлив над закрывшей глаза девушкой, менестрель перевернулся набок, лицом к стене.

Перемётная сума, пополненная снедью, привычно легла вдоль лошадиного крупы. Неуловимым движением скользнув в седло, Гэллаис натянула капюшон глубже обычного, хотя нужды в том не было: солнце светило не по-зимнему ярко, а в воздухе чувствовалась влажность и резкость, будто он стал хрустальным и мог разбиться от неосторожного прикосновения. Прав был Линдир: близится весна. Лихолесская эльфийка всегда любила это время года, но в этот раз скорый его приход её совсем не радовал. Не с кем танцевать на едва стаявших склонах, некому положить голову на плечо, любясь на усыпавшие ночную тьму светила. А вчерашняя неожиданная откровенность только сильнее обнажила привычное одиночество.

Сзади хлопнула дверь, но шагов Гэллаис не услышала. Обернувшись, увидела Линдира. Тот не стал утруждать себя переходом на кое-как расчищенную тропинку и шёл прямо по сугробам. Арфа на одном плече, на другом – котомка.

– А вас-то куда несёт с утра пораньше? – нелюбезнее, чем хотела, буркнула эльфийка вместо приветствия. Опальный менестрель действовал на неё странно, вызывая скованность и неловкость, которые бывшая любовница Лесного Короля растеряла после нескольких тесных встреч с упомянутым Владыкой.

Линдир бережно поправил арфу.

– Я ведь бродяга, – напомнил он. – Сегодня играю здесь, завтра на другом конце Средиземья. – О том, что вообще-то он собирался в этой таверне квартировать как минимум ещё месяца полтора, эльф умолчал. Трактирщик был немало удивлён его внезапным уходом – и тем, что певец не попросил обратно предоплату. А впрочем, кто их разберёт, этих эльфов...

– Так что, какое-то время нам может быть по пути, – добавил Линдир, не глядя на девушку. Та пожала плечами, натянув капюшон ещё глубже:

– Конному с пешим в ногу не уйти.

Глаза эльфа задорно блеснули:

– А это ещё вопрос, кто кого обгонит! Сугробы нынче великоваты для лошадей.

И ведь прав оказался и на этот раз! Гэллаис, бормотавшей под нос явно не куплеты хвалебных од, то ли и дело приходилось спешиваться и помогать Ламиру выбираться из рыхлого мокрого снега, в котором лошадь то и дело провалилась по колено, а то и глубже. Линдир же легко двигался по насту, почти не оставляя следов, и то и дело останавливался, дожидаясь спутницу и помогая ей вытаскивать лошадь, когда та увязала слишком сильно.

Не прошло и шести часов, как они покинули таверну, а лошадь уже выбилась из сил. Гэллаис решила остановиться и дать той отдых. А может, ей просто хотелось продлить время пребывания рядом со спутником: через пару миль дорога раздваивалась, и кто знает, куда направится имладрицкий менестрель...

За весь путь они обменялись едва ли парой реплик. Но Гэллаис остро чувствовала, что она не одна. Синий плащ эльфа, мелькавший на полкорпуса впереди, казался на ослепительно белом снегу чёрным и сливался с тёмными волосами, спадавшими на спину. Капюшона Линдир не набрасывал, и девушка беззастенчиво разглядывала его, в который раз убеждаясь, что брюнеты для неё перекрывают все остальные типажи...

Эльф же, казалось, не подозревавший о мыслях спутницы, даже не стал садиться – просто прислонился к дереву, под которым они устроились. От лёгкого его движения, или от чего другого, с нижней разлапистой ветки рухнул мягкий ком снега – хорошо хоть не эльфам на головы, а рядом.

Обвалившийся сугроб будто пробудил Линдира от сна. Отряхнув попавшие-таки на него комочки снега, он негромко окликнул спутницу, по-прежнему не смотря в её сторону:

– Гэллаис.

Та обернулась, вопросительно глядя на него. Немного помолчав, будто собираясь с духом, эльф спокойно и даже как-то обыденно предложил:

– Выходи за меня замуж.

– Аа... эээ... ммм... – казалось, Гэллаис разом забыла и квэнья, и синдарин, и даже всеобщее наречие. Щёки девушки стремительно покрывались краской, чего за ней не водилось уже лет так шестьсот.

Линдир также спокойно продолжал:

– Наверное, я не вправе это предлагать... я ведь изгнанник, и бесконечность дорог теперь – мой удел и дом. Но я буду рад, если ты согласишься быть моей спутницей.

Менестрель зачерпнул ладонью горсть снега и сжал его, ожидая ответа. Холодные капли побежали вниз, вычерчивая причудливую дорожку. Гэллаис заворожено следила за ней взглядом, не решаясь

поднять глаз – ведь тогда придётся что-то отвечать... Конечно, она угадывала, что искра меж ней и Линдиром уже пробежала, но не думала, что эльф решит всё так быстро – и так просто.

Мгновения текли – а эльфийке казалось, что проносятся столетия. Вопрос замер на губах, не сорвавшись: есть ли смысл в оправданиях, когда твою исповедь уже слышали? И когда ты – слышала...

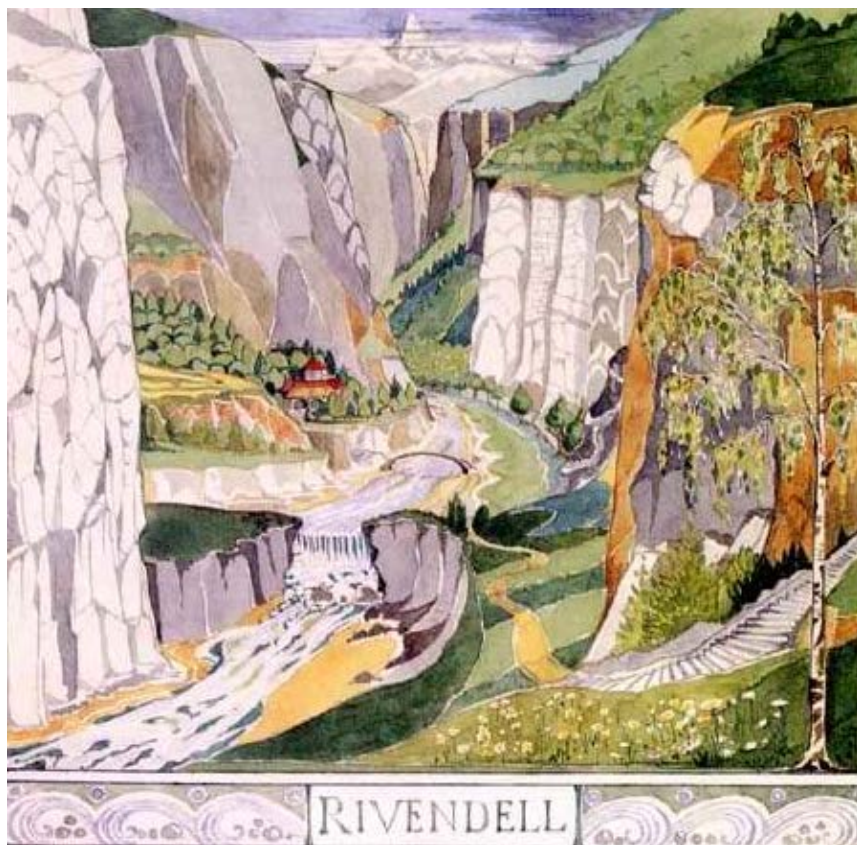
Подняв, наконец, голову, девушка вымолвила – глухо от перехватившего дыхания:

– Я... согласна.

И не поверила, увидев, какой радостью осветилось лицо Линдира.

Также улыбаясь, менестрель протянул Гэллаис руку, не стряхнув талых капель, – и она, всё ещё не веря, вложила в неё свою. Тёмно-синий и тёмно-зелёный рукава упали вниз, накрывая сплетённые ладони.

...Предзакатное солнце светило в спину двум эльфам, что брели, взявшись за руки, как дети, и молчали, как влюблённые, что понимают друг друга без слов.

В «Маленькой эльфийской трилогии» использованы стихотворения **Иллет** (Наталии Владимировны Некрасовой) «Он был эльфийским королем...» и **Йовин** (Лины Евгеньевны Воробьевой) «Вся наша жизнь – отныне без остатка...»

Оглавление

Квэнталэ о Мелькоре и Лютиен.....	4
Маленькая эльфийская трилогия	
Цена одной песни	18
Соблазнить Элронда	25
Встреча	35

Тираж 50 экз.